

ЭТЬЕН ДЕ ЛА БОЭСИ
РАССУЖДЕНИЕ
О
ДОБРОВОЛЬНОМ
РАБСТВЕ

Этьен де Ла Боэси
Рассуждение о
добровольном
рабстве

Нет в многовластии блага; да будет
единый властитель,
Царь лишь единый...

говорит у Гомера Одиссей¹, обращаясь к народу. Если бы он сказал только:

Нет в многовластии блага,

ничего больше не прибавив к этому, то это было бы сказано как нельзя лучше. По здравому рассуждению следовало сказать, что многовластие не может быть хорошо, поскольку и власть одного с того момента, как он приобретает титул самодержца, носит характер произвола и жестокости; но вместо этого он, совершенно наоборот, прибавил:

Да будет единый властитель,
Царь лишь единый...

Следует, впрочем, извинить Одиссея, которому, возможно, пришлось тогда прибегнуть к такой речи, чтобы подавить мятеж в войске; я полагаю, что он сообразовал свои слова скорее с требованиями момента, чем истины. Но, по совести говоря, величайшее несчастье — зависеть от произвола властелина, относительно которого никогда не можешь знать, будет ли он добр, поскольку всегда в его власти быть дурным, когда он того захочет; что же касается господства многих властителей, то это означает

быть в зависимости от числа их во столько же раз более несчастным.

Я не хочу в данный момент разбирать столь часто обсуждавшийся вопрос, а именно: «Не являются ли другие формы государственного устройства лучшими, чем монархия?» Если бы я хотел заняться этим вопросом, то прежде чем решить, какое место должна занимать монархия среди других видов государств, я хотел бы знать, должна ли она вообще занимать какое бы то ни было место среди них. Действительно, трудно допустить, чтобы было хоть что-нибудь общественное при таком строе, при котором все принадлежит одному. Но этот вопрос я оставляю для другого раза; он потребовал бы особого рассмотрения и, наверное, повлек бы за собой тучу политических опоров.

На сей раз я хотел бы лишь понять: как возможно, что столько людей, столько деревень, столько городов, столько народов нередко терпят над собой одного тирана, который не имеет никакой другой власти, кроме той, что они ему дают; который способен им вредить лишь постольку, поскольку они согласны выносить это; который не мог бы причинить им никакого зла, если бы только они не предпочитали лучше сносить его тиранию, чем противодействовать ему.

Поразительная вещь, конечно! Однако столь часто встречающаяся, что следует тем больше скорбеть и тем меньше удивляться, когда видишь, как миллионы людей, согнув выю под ярмо, самым жалким образом служат, не принуждаемые особенно большой силой, но будучи, как кажется, в некотором роде околдованными и зачарованными самым именем *Одного*, могущества которого они не должны бояться, ибо он ведь один, и качеств которого

они не могут любить, ибо по отношению к ним он свиреп и бесчеловечен.

Слабость, присущая нам, людям, заключается в том, что мы часто подчиняемся силе; приходится уступать, мы не можем быть всегда более сильными. Поэтому, если какой-нибудь народ вынужден сносить тиранию одного в силу завоевания, как это было, например, с Афинами при тридцати тиранах², то следует не удивляться тому, что народ этот служит, а скорбеть о случившемся, или, вернее, не удивляться и не скорбеть, а стойко переносить зло и беречь себя для лучшей участи в будущем.

Природа наша такова, что обязанности взаимной дружбы отнимают значительную часть нашей жизни. Разумно любить добродетель, уважать высокие подвиги, быть благодарным за добро, откуда бы оно ни исходило, и даже лишаться части нашего удобства для славы и выгоды того, кого мы любим и кто этого заслуживает. Поэтому, если жители какой-нибудь страны нашли такого выдающегося человека, который на опыте обнаружил большую прозорливость в деле охраны их, великую смелость в защите их и большую заботу в управлении ими, и если, исходя из этого, они привыкают ему повиноваться и доверяют ему в такой мере, что предоставляют ему некоторые преимущества, то я сомневаюсь, благоразумно ли такое поведение, поскольку его снимают с места, где он делал добро, и назначают туда, где он сможет делать зло. Но, разумеется, они не могут не проявлять благородства по отношению к нему и не могут бояться зла со стороны того, от кого до этого они видели только добро.

Но, боже милостивый, что это такое? Как это назвать, что это за бедствие? Что это за порок, или вернее, что за злосчастный порок, — когда мы видим, что беско-

нечное число людей не только повинуются, но служат, не только управляемы, но угнетены и порабощены тиранией так, что не имеют ни имуществ, ни родных, ни жен, ни детей, ни даже самой жизни, словом, не имеют ничего, что они могли бы назвать своим, и терпят грабежи, распутство, жестокости не от войска, не от варваров, против которых следовало бы проливать свою кровь и жертвовать жизнью, но от одного человека. И притом не от какого-нибудь Геркулеса или Самсона, но от одного ничтожнейшего человечка, большей частью самого трусливого и самого расслабленного из всего народа, который привык не к пороху сражений, а скорее к песку турниров и который не только не способен управлять другими людьми, но сам находится в рабском услужении у самой ничтожной бабенки.

Как назовем мы это? Назовем ли мы это трусостью? Скажем ли мы, что те люди, которые служат такому человеку, подлецы и трусы?

Если бы двое, трое или четверо не защищались от одного, то это было бы странно, но во всяком случае возможно. И с полным правом можно было бы сказать, что дело здесь в недостатке храбрости.

Но если сто, если тысяча человек терпят тиранию одного, то не скажем ли мы, что они скорее не хотят, чем не осмеливаются напасть на него, и что это не трусость, а скорее пренебрежение и презрение?

Но если мы видим, что не сто и не тысяча людей, а сто областей, тысяча городов, миллионы людей не нападают на того одного, со стороны кого даже наилучшее обращение состоит в том, чтобы превращать людей в своих слуг и рабов, то как назвать это? Трусость ли это?

Во всех пороках по их природе неминуемо есть некий предел, за который они не могут выходить. Двое и даже десять человек могут бояться одного, но тысяча, но миллионы, но тысяча городов, если они не защищаются от одного, то это не трусость, она не может дойти до этого, так же как и храбрость не может простираться до того, чтобы один человек штурмовал крепость, нападал на армию или завоевывал государство.

Что же это, следовательно, за уродливый порок, не заслуживающий даже названия трусости, порок, которому нельзя найти достаточно гнусного названия, который противен природе и назвать который отказывается язык?

Пусть поставят на одной стороне пятьдесят тысяч вооруженных людей и столько же на другой; пусть выстроят их в боевой порядок; пусть они сойдутся и начнут биться друг с другом: одни — свободные и борющиеся за свою свободу, другие — за то, чтобы ее у них отнять. Какой стороне можно предсказывать победу? Кто из них, думаете вы, с большей отвагой пойдет в бой? Те ли, которые в награду за свои усилия надеются сохранить свою свободу, или те, которые не могут ждать за нанесенные и принятые на себя удары никакого другого вознаграждения, кроме порабощения других?

Одни из них будут всегда иметь перед глазами свое счастливое прошлое и ожидание такого же благоденствия в будущем. Они помнят не столько о тех испытаниях, которые им придется вынести, пока длится это недолгое сражение, сколько о том, что постоянно нужно будет переносить им, их детям и всему потомству.

У других же нет ничего, что вдохновляло бы их на борьбу, кроме слабого стимула жажды наживы, стимула, который рухнет при первом же столкновении с опасно-

стью и который не может быть столь пламенным, чтобы его не могла, как мне кажется, погасить малейшая капля крови, вытекающая из их ран.

В столь прославленных битвах Мильтиада, Леонида, Фемистокла³, которые происходили две тысячи лет назад и которые еще и по сей день свежи в памяти людей и живут в книгах так, как если бы это было вчера, в битвах, которые даны были в Греции во имя блага греков и в виде образца для всего мира, как вы думаете, что придало в этих битвах такому небольшому числу людей, какое составляли греки, не силу, а стойкость выдержать натиск такого количества судов, что само море, казалось, было обременено ими; как смогли они нанести поражения такому множеству народов, когда одних лишь командиров вражеских армий было больше, чем греков?

Что же это было, как не то, что в эти достославные дни дело шло не столько о сражениях греков против персов, сколько о победе свободы над угнетением, о победе вольности над властолюбием.

Изумительные вещи приходится слышать о храбрости, которую свобода порождает в сердцах тех, кто ее защищает. Но кто поверил бы тому, что повседневно происходит с людьми во многих странах, где один человек угнетает сто тысяч городов и лишает их свободы? Кто поверил бы этому, если бы он только слышал об этом, а не видел своими глазами, и если бы это происходило только в чужих и отдаленных странах и он знал бы об этом только понаслышке? Кто не подумал, бы, что это скорее всего измышления и выдумки, а не подлинная действительность? Тем более, что с этим единственным тираном незачем сражаться, его незачем побеждать, он побежден сам по себе, только бы страна не соглашалась на свое

рабство. Не нужно ничего отнимать у него, нужно только ничего ему не давать. Стране не нужно делать никаких усилий для себя, только 'бы она ничего не делала против себя.

Ведь народы сами позволяют надевать на себя узду; стоит им перестать служить, и с их порабощением будет покончено. Народ хам отдает себя в рабство, он сам перерезает себе горло, когда, имея выбор между рабством и свободой, народ сам расстаётся со своей свободой и надевает себе ярмо на шею, когда он сам не только соглашается на свое порабощение, но даже ищет его.

Если бы ему стоило чего-нибудь восстановление своей свободы, я бы его не понуждал к этому; хотя для человека нет ничего более дорогого, чем восстановить себя в своем естественном праве и, так сказать, из животного стать человеком. Но я не требую от него такой смелости, хотя, признаюсь, не знаю, как можно предпочитать сомнительную безопасность жалчайшего существования даже слабой надежде на спокойную и счастливую жизнь. Но если для получения свободы ему нужно только захотеть ее, если нужно только простое желание, то неужели найдется такой народ в мире, который считал бы ее купленной чересчур дорогой ценой, раз он может добиться ее одним только желанием? Найдется ли народ, который пожалел бы затратить свою волю ради восстановления блага, которое он должен быть готов выкупить ценой своей собственной крови? Ибо, лишившись свободы, все честные люди должны считать свою жизнь невыносимой и смерть спасительной.

Как из небольшой искры разгорается большое и все усиливающееся пламя и чем больше дров находит огонь, тем ярче он готов-гореть; и наоборот, если даже не лить

воды, чтобы потушить его, а просто больше не подкладывать дров, то, не имея что пожирать, огонь пожирает сам себя, теряет силу, гаснет и перестает быть пламенем, точно так же и тираны: чем больше они грабят, чем больше требуют, чем больше разоряют и разрушают, чем больше им дают и служат, тем они становятся все сильнее и ненасытнее и более готовыми все уничтожать; тогда как если им ничего не давать, если им не повиноваться, то они без всякой борьбы и сражения остаются ни с чем, падают сраженными; они становятся ничем, совершенно подобно тому, как дерево, корни которого не получают больше влаги и пищи, ссыхается и превращается в сухие и мертвые ветви.

Смельчаки, чтобы приобрести желаемое благо, не боятся опасности; рассудительные люди не отказываются ради этого от усилий, только трусливые и закосневшие в своем зле люди не умеют ни выносить тягот, ни восстанавливать свое потерянное благо. Они ограничиваются тем, что желают его, но вследствие своей трусости лишены добродетели добиваться его, хотя и у них остается естественное стремление иметь его.

Это желание присуще как мудрым, так и глупым, как храбрецам, так и трусам. Все они желают приобрести то, что может сделать их счастливыми и довольными. И к одному только люди, я не могу понять почему, недостаточно стремятся — к свободе. Между тем свобода — это такое великое и прекрасное благо, что как только она утрачена, все бедствия приходят чередой, и даже те блага, которые остаются, без нее теряют всякий вкус и всякую сладость, будучи испорчены рабством.

Свободы, ее только, не хотят люди и, как мне кажется, лишь потому, что если бы они действительно по-

желали ее, то они ее имели бы; люди как бы только потому отказываются от этого прекрасного приобретения, что оно слишком легко достижимо.

Бедные, несчастные и неразумные народы, народы, закосневшие в своем зле и слепые к своему собственному благу! Вы позволяете отнимать у вас лучшую часть ваших плодов, разорять ваши поля, обкрадывать ваши дома и расхищать ваше дедовское и отцовское достояние. Вы живете так, как будто все это принадлежит не вам и как будто вы почитаете за большое счастье для себя как бы держать в наем свое имущество, даже свои семьи и самые свои жизни.

И все эти бедствия, это разорение и опустошение исходят не от врагов, но от того единственного врага, которого вы сами делаете таким могущественным, как он есть, за которого вы бесстрашно идете на войну, ради величия которого вы не отказываетесь жертвовать жизнью.

Между тем тот, кто так властвует над вами, имеет только два глаза, всего две руки, одно тело и ничего такого, чего не имел бы самый простой человек из бесчисленных ваших городов, за исключением лишь того преимущества, которое вы сами ему предоставляете, — истреблять вас.

Откуда взял бы он столько глаз, чтобы следить за вами, если бы вы сами не давали их ему? Где он достал бы столько рук, чтобы наносить вам удары, если бы он не брал их у вас же? Или откуда взялись бы у него ноги, которыми он попирает ваши города, чьи они, если не ваши? Откуда была бы у него власть над вами, если бы вы не давали ее ему? Как он осмелился бы нападать на вас, если бы вы не были заодно с ним? Что он мог бы вам сделать, если бы вы не были укрывателями того разбойника,

который грабит вас, сообщниками того убийцы, который убивает вас, если бы вы не были изменниками по отношению к себе самим?

Вы сеете для того, чтобы он уничтожал ваши посевы вы обставляете и наполняете свои дома для его грабежей, вы растите своих дочерей для удовлетворения его похоти, вы воспитываете ваших сыновей с тем, чтобы он — и это лучшее из того, что он может им сделать — мог вербовать их для своих войн, чтобы он мог вести их на бойню, чтобы он делал их слугами своей алчности и исполнителями своих мщений. Вы надрыгаетесь в труде, чтобы он мог нежиться в своих удовольствиях и утопать в своих грязных и мерзких наслаждениях. Вы подрываете свои силы, чтобы сделать его сильнее и чтобы он мог еще туже держать вас в узде. И от всех этих бедствий, которых не стали бы терпеть и переносить даже животные, вы можете освободиться, если вы не то что попытаетесь избавиться, но лишь пожелаете это сделать. Решитесь не служить ему более — и вот вы уже свободны. Я не требую от вас, чтобы вы бились с ним, нападали на него, перестаньте только поддерживать его, и вы увидите, как он, подобно колоссу, из-под которого вынули основание, рухнет под собственной тяжестью и разобьется вдребезги.

Правы врачи, советуя не прикасаться к неизлечимым ранам, и я боюсь, что поступаю неразумно, решаясь проповедывать народу, который давно утратил всякое понимание и который уже одним тем, что он больше не чувствует своей болезни, показывает, что она смертельна. Попытаемся же, если можно, установить, каким образом так укоренилось это упрямое желание находить-

ся в порабощении, что даже сама любовь к свободе не кажется в настоящее время естественной.

Прежде всего не подлежит, я полагаю, никакому сомнению, что» если бы мы жили по правилам и наставлениям, которые дала нам природа, то мы, естественно, повиновались бы своим родителям, подчинялись бы разуму и не были бы ничьими рабами. О повиновении, которым каждый из нас, без всяких других побуждений, кроме своего естественного, проникнут по отношению к своим родителям, свидетельствуют все люди и всяк за себя.

Что касается разума, то по вопросу о том, прирожден ли он или нет, ведутся ожесточенные споры между учеными и всеми философскими направлениями. В данном случае я, мне думается, не ошибусь, если скажу, что в нашей душе есть некое естественное семя разума, которое, если оно поддерживается добрым советом и обычаем, расцветает в добродетель и, наоборот, нередко, не будучи в состоянии противостоять окружающим порокам, чахнет и гибнет.

Но в чем нельзя сомневаться и что совершенно ясно и очевидно, это то, что природа — это орудие бога и наставница людей — создала нас всех одинаковыми и как бы по одному образцу, с тем чтобы мы все считали друг друга товарищами или, вернее, братьями. И если, наделяя нас своими дарами, она дала некоторым из нас известные физические и духовные преимущества по сравнению с другими, то она тем не менее не имела в виду посеять вражду между нами она послала сюда, на землю, более сильных «и более умных не с тем, чтобы они, как какие-то вооруженные разбойники в лесу, нападали на более слабых. Но следует скорее думать, что, наделив одних большими способностями, чем других, она хотела

тем самым создать место для братской любви, чтобы у этой любви было где найти себе применение, поскольку одни в состоянии оказывать помощь, а другие нуждаются в ней.

И если эта добрая мать-природа дала нам всем в качестве обиталища всю землю, поместив нас всех как бы в один и тот же дом, создала нас всех по одному и тому же образцу, чтобы каждый из нас Мог видеть и узнавать себя в другом; если она всех нас наделила великим даром голоса и слова, чтобы еще более сблизить и сроднить нас и, благодаря общему и взаимному обмену мыслей, создать у нас одни и те же желания; если она всеми средствами постаралась скрепить как можно сильнее узы нашего союза и сплотить наше общество; и если, наконец, она показала во всем, что она не только хочет объединить нас, но сделать нас всех едиными, — то нет никаких сомнений, что все мы по природе свободны, так как все мы товарищи, и никому не может прийти в голову, что природа кого-нибудь из нас обрекла на рабство, между тем как она всех нас создала для товарищества.

Но, право, излишне обсуждать, естественна ли свобода, так как никого нельзя держать в рабстве, не причиняя ему вреда, и нет на свете ничего более противоречащего всегда разумной природе, чем несправедливость. Остается, следовательно, признать, что свобода естественна, и тем самым признать, по-моему, что нам от рождения свойственна не только свобода, но и стремление защищать ее. Однако если бы случилось, что мы усомнились бы в этом или до такой степени закоснели, что перестали бы понимать свое благо и свои естественные стремления, то в таком случае мне пришлось бы оказать вам заслуженную вами честь и предложить поучиться

этому у диких зверей, которые покажут вам, каковы ваши природа и поведение.

Боже правый! Эти самые звери, если люди только окажутся не чересчур глухи, будут кричать им: да здравствует свобода! Ведь многие из них умирают сразу же, как только попадают в неволю. Подобно тому как рыба тотчас же умирает, оставшись без воды, точно так же умирают, не желая жить, и некоторые животные, лишившись своей естественной свободы. Если бы среди животных были какие-нибудь градации, то именно эти виды составили бы их благородное сословие. Другие животные, от мала до велика, когда их пытаются поймать, оказывают яростное сопротивление и отбиваются всеми силами: и клювом, и когтями, и рогами, и ногами, показывая этим достаточно убедительно, как они дорожат тем, что теряют; когда же они пойманы, то они обнаруживают столько явных признаков сознания своего несчастья, что ясно видно: пленение означает для них скорее прозябание, нежели жизнь, и что они продолжают жить больше для того, чтобы изнывать по потерянной свободе, чем для того, чтобы довольствоваться своим рабством.

Что хочет сказать своим поведением слон, который, после того как он защищался до полного изнеможения и вот-вот должен быть пленен, не имея больше никаких способов обороняться, вонзает в дерево свои клыки и ломает себе зубы, что иное хочет он выразить этим, как не то, что великое желание сохранить свободу заставляет его обнаруживать ум и сметливость, внушает ему стремление откупиться от своих охотников ценой своих зубов и расквитаться с ними своей костью, заплатив, таким образом, выкуп за свою свободу?

Мы приучаем коня к службе чуть ли не со дня его рождения, но Сколько бы мы его ни холили, он, когда наступает время укротить его, начинает кусать удила и вырывается при прикосновении шпор, как бы для того, чтобы хоть этими своими действиями показать, что он служит не по своей воле, но по нашему принуждению? Что, следовательно, надо сказать об этом?

Даже волы стонут под ярмом,

И птицы в клетках жалуются,

как я выразился когда-то, забавляясь сочинением французских стихов. Ведь когда я пишу тебе, Лонга⁴, то я не боюсь вплести кое-что из этих моих стихов, которых я никогда тебе не читаю из-за того, чтобы ты, выказывая удовлетворение ими, не вселил в меня желания возгордиться ими.

Итак, все способные чувствовать существа ощущают зло порабощения и стремятся к свободе, поскольку даже животные, которые, хотя они и созданы, чтобы служить человеку, не могут привыкнуть покоряться иначе, как против воли. Что же это за зло, которое могло так извратить природу человека, поистине единственного существа, рожденного, чтобы жить свободно, и заставить его забыть о своей первоначальной свободе и о желании вернуть ее?

Существуют три рода тиранов: одни приобретают власть над государством по выбору народа, другие — с помощью вооруженной силы, третьи — по наследству. Те, кто приобрел государство по праву завоевания, ведут себя в нем, по принятому выражению, как в завоеванной стране. Те, кто родились государями, обычно не лучше

первых, так как, будучи рождены и воспитаны в лоне тирании, они с молоком матери всасывают в себя естество тиранов и смотрят на находящийся под их началом народ, как на унаследованных рабов; и в зависимости от того, к чему они более склонны — корыстолюбивы ли они или расточительны, они распоряжаются государством, как своим наследством. Что же касается того тирана, которому сам народ отдал государство, то он, казалось, должен быть (более сносен, и был бы, я полагаю, таким, если бы с того момента, как он видит себя превознесенным над всеми остальными и польщенный тем, что (по непонятным мне причинам) называют величием, он не принимал решения ни за что не расставаться с этим положением. Такой тиран обычно решает передать своим детям власть, которую предоставил ему народ, и — странное дело — как только эти властвующие по воле народа тираны примут такое решение, они во много раз превосходят всех других тиранов всякого рода пороками и даже жестокостями. Они не видят иных средств упрочить свою тиранию, как еще более усилить порабощение и настолько отучить своих подданных от всякого проявления свободы, чтобы суметь заставить их расстаться с ней, хотя память о ней еще совсем свежа.

Так что, говоря правду, хотя я и вижу некое различие между этими тремя родами тиранов, но в сущности никому из них нельзя отдать предпочтения, и хотя они достигают власти различными путями, однако способ управления у них всегда один и тот же. Властвующие по выбору тираны обращаются со своими подданными, как если бы это были быки, которых они взялись укротить. Завоеватели смотрят на них, как на свою добычу. Наследственные тираны обращаются со своими подданными, как со своими естественными рабами.

Но представим себе, что в наше время родилось несколько совсем новых людей, не привыкших к порабощению и не избалованных свободой, не имеющих представления ни о том, ни о другом, даже не знающих самых этих названий; и вот, если бы этим людям преддожили одно из двух, либо быть рабами, либо жить свободно, что бы они выбрали? Нет никаких сомнений, что они предпочли бы повиноваться только разуму, а не произволу одного человека. Но это только в том случае, если бы они не принадлежали к тем израильтянам, которые без всякого принуждения и без всякой необходимости создали себе тирана ⁵. Историю этого народа я не могу поэтому читать без досады, доходящей у меня до того, что я делаюсь бесчеловечным и даже радуюсь тем бесчисленным несчастьям, которые они накликали этим на себя.

Но, разумеется, для того чтобы люди, поскольку они остаются людьми, позволили себя поработить, необходимо одно из двух: либо их надо принудить к этому, либо они должны быть обмануты. Они могут быть вынуждены к этому иноземным оружием, как это случилось, например, со Спартой или с Афинами, завоеванными Александром Македонским, или в результате борьбы политических группировок, как это имело место еще ранее с теми же Афинами, попавшими в руки тирана Писистрата ⁶. Когда же люди теряют свободу, будучи обмануты, то часто виной обмана оказываются не другие, а они сами. Так было с населением Сиракуз, главного города Сицилии (который теперь, как говорят, называется Сарагоссой) ⁷, которое, изнывая под бременем войн и опрометчиво помышляя лишь об отражении грозившей ему в этот момент опасности, поручило Дионисию ⁸ командование войском, не заботясь о том, что оно дало этим ему такую власть, что этот человек, вернувшись победителем, по-

вел себя так, как если бы он победил не врагов, а своих собственных сограждан, и произвел себя из военачальников в короли, а из королей в тираны.

Невероятная вещь, но с того времени, как народ поработен, он так внезапно и полностью забывает свою свободу, что его трудно разбудить для обратного отвоения ее. Он служит так охотно и с такой готовностью, как если бы он не потерял свою свободу, а выиграл свое рабство. Правда, что вначале люди служат по принуждению и будучи побеждены силой, но следующее поколение, приходящее им на смену, никогда не выдавшее свободы и не знающее, что это такое, служит уже без сожаления и добровольно выполняет то, что их предшественники делали только по принуждению. Вот почему люди, рожденные под игом и воспитанные в рабстве, принимают за естественное состояние то, в котором они родились; они не заглядывают вперед, а довольствуются тем, что живут при тех же условиях, при которых они родились, и не помышляют о том, чтобы добиваться иных прав, или иных благ, кроме тех, которые они нашли. И тем не менее нет столь расточительного и ленивого наследника, который хоть когда-нибудь не захотел бы заглянуть в свои акты наследства, чтобы убедиться, все ли оставленными ему правами он пользуется и не отняли ли чего-нибудь у него самого или у его предшественников. Однако привычка, которая вообще имеет над нами большую власть во всем, ни в чем, пожалуй, не обнаруживает так свою силу, как в том, чтобы приучать нас служить и с легкостью проглатывать и не находить горьким яд нашего рабства, подобно тому, как Митридат, говорят, постепенно приучал себя к яду⁹.

Нельзя отрицать, что и природа имеет над нами немалую власть, увлекая нас куда ей угодно и заставляя

нас обнаруживать хорошие или дурные склонности, и все же следует признать, что она имеет над нами меньшую власть, чем привычка: ибо природные склонности, как бы хороши они ни были, утрачиваются, если их не поддерживать, и воспитание всегда изменяет нас по-своему, в ту или иную сторону, несмотря на природные данные.

Семена добра, которые влагает в нас природа, столь малы и столь хрупки, что не выносят и малейшей дозы плохого питания, при котором они не развиваются, а скорее вырождаются, чахнут и гибнут; точно так же как плодовые деревья имеют каждое свои природные особенности, которые они сохраняют, если их предоставляют самим себе, но сразу же их утрачивают и приносят не свои естественные, а совсем иные плоды, как только им начинают делать прививки. Всякая трава также имеет свои природные свойства и качества, и тем не менее погода, мороз, почва или рука садовника могут значительно способствовать ее росту, либо ослаблять его; одно и то же растение так выглядит в одном месте, что его трудно узнать в другом.

Кто видел венецианцев, горсточку людей, живущих так свободно, что худший из них не захотел бы быть государем над всеми; венецианцев, которые как по природе своей, так и по своему воспитанию не признают другой чести, кроме соревнования в том, кто даст лучший совет и более бережно сумеет охранить свободу; венецианцев, которые так приучены с колыбели, что они ни за что не возьмут всех благодеяний мира в обмен на хоть бы малейшую часть своей свободы; кто видел — повторяю я — этих людей и после этого переберется в земли того, кого называют великим султаном, и там увидит людей, которые только того и хотят, что находиться у него в порабощении, и которые жертвуют жизнью, чтобы под-

держивать его власть, — поверит ли он, что у тех и других одна и та же природа, и не покажется ли ему скорее всего, что он из человеческого общежития попал в заповедник?

Рассказывают, что законодатель Спарты Ликург ¹⁰, пожелав показать лакедемонянам, что люди таковы, какими их делает воспитание, вырастил двух братьев — щенков одной и той же собаки, причем оба были вскормлены одним и тем же молоком, но только один из них вырос и разжирел на кухне, другой же привык носиться по полям под звуки охотничьего рога и трубы. Вслед за тем он вывел обоих щенков на открытое место и поставил между ними горшок с похлебкой и зайца. Одна из собак тотчас же бросилась к горшку, другая погналась за зайцем. «А ведь они братья, — сказал Ликург, — дети одних родителей». И, исходя из этого, Ликург, при помощи своих законов и своих обычаев, так воспитал лакедемонян, что каждый из них предпочел бы умереть тысячью смертей, чем признать другого повелителя, кроме разума и закона.

Мне приятно напомнить разговор, произошедший некогда между одним из любимцев великого персидского царя Ксеркса и двумя лакедемонянами. Когда Ксеркс снаряжал свою огромную армию для завоевания Греции ¹¹, он разослал послов по греческим городам, требуя у них «воды и земли»: таков был обычай персов предлагать городам сдаться. Ни в Афины, ни в Спарту Ксеркс не послал послов, так как тех, кого послал Дарий, его отец, афиняне и спартанцы бросили — одних в колодцы, других в ямы, говоря, чтобы они доставали себе там сколько угодно воды и земли для своего государя. Афиняне и лакедемоняне и слышать не хотели, чтобы хоть

единым словом покушались на их свободу. Спартанцы опасались, однако, что, поступив таким образом, они навлекли на себя гнев богов, в особенности Талфибия¹², бога вестников. Поэтому для умиловивления их они решили послать к Ксерксу двух своих граждан: пусть они явятся к нему и пусть он сделает с ними что захочет и, таким образом, расквитается за послов своего отца, которых они убили.

Два спартанца, один по имени Спертий, другой — Булис, добровольно вызвались расплатиться за это дело¹³. Они действительно отправились к Ксерксу и прибыли по пути во дворец к персу Гидарну, который был правителем царя во всех приморских городах Азии. Он принял их весьма радушно, устроил в их честь большой пир и после многих речей, переходя от одной темы к другой, спросил, почему они так упорно отвергают дружбу царя. «Спартанцы, — сказал он им, — взгляните на меня и убедитесь на моем примере, как царь умеет ценить достойных людей, и подумайте о том, что если бы вы принадлежали ему и он узнал бы вас, то каждый из вас был бы владыкой какого-нибудь греческого города». — «В этом деле, Гэдарн, — ответили ему лакедемоняне, — ты не можешь дать нам доброго совета, так как ты не взвесил его с обеих сторон. Ибо одно благо, которое ты нам обещаешь, ты испробовал, но другое, которым наслаждаемся мы, осталось тобой не изведанным. Ты знаешь, что значит милость царя, свободы же ты еще никогда не испытал, ты не знаешь ее вкуса, не знаешь, как она сладка. Ибо, если бы ты ее вкусил, то ты сам посоветовал бы нам защищать ее не только копьями и щитами, но и зубами и когтями».

Только спартанец мог дать такой ответ, но и тот, и другой — и спартанец, и перс — говорили в соответствии с тем, к чему они были приучены. Ведь никак невозможно было, чтобы перс сожалел о свободе, которой он никогда не испытал, и равным образом лакедемонянин не мог согласиться на порабощение, испробовав свободу.

Катон Утический¹⁴, будучи ребенком и находясь еще в обучении, часто приходил к диктатору Сулле: дверь дома Суллы была для него всегда открыта как в силу его происхождения, так и потому, что они были близкими родственниками. Катон всегда находился в сопровождении своего учителя, как это принято было с детьми из хороших домов. Катон заметил, что во дворце Суллы, в присутствии Суллы или по его повелению, одних заключали в тюрьму, другим выносили приговоры, одних (подвергали изгнанию, других вешали, один требовал конфискации имущества какого-нибудь гражданина, другой — головы, словом, все здесь совершалось не как у правителя города, а как у тирана своего народа, и это был не дворец правосудия, а застенки тирании. «Почему вы не даете мне кинжала? — спросил тогда юноша своего учителя. — Я спрячу его под платье. Я часто захожу в комнату Суллы, когда он еще не встал с постели, рука моя достаточно тверда, чтобы освободить от него город». Вот поистине характерная для Катона речь: таков был с юных лет этот человек, достойный своей смерти. И пусть нам не назовут ни его имени, ни его страны, пусть расскажут только как есть этот факт — и он сам будет говорить за себя, и каждый догадается, что он был римлянин и родился в Риме, и именно во времена римской свободы.

Но к чему я веду эту речь? Разумеется, не к тому, чтобы сказать, что дело в стране или в определенном месте, ибо во всех странах и во всяком воздухе порабоще-

ние противно, а свобода радостна; я говорю это, потому что, по-моему, следует пожалеть тех, которые родились с ярмом на шее; но надо также простить и извинить подобных людей, ибо они никогда не видали даже и тени свободы и поэтому, совершенно не изведав ее, не сознают своего зла — быть рабами.

Если бы действительно существовала страна вроде той страны киммерийцев, о которой рассказывает Гомер¹⁵, где солнце светило бы по-иному, чем у нас, и где по прошествии шести светлых месяцев оно оставляло бы людей во мраке и не возвращалось бы к ним в течение целого полугодия, то удивились ли бы мы, что родившиеся во время этой долгой ночи и никогда не видевшие света привыкли бы к мраку, в котором они выросли, и не стремились бы к свету, хотя, и слышали о солнце? Ведь никто не сожалеет о том, чего он никогда не имел; сожаление приходит лишь вслед за утраченным удовольствием, и всегда бывает так, что к сознанию зла примешивается воспоминание о минувшем благе. Для человека естественно быть свободным и желать быть им, но вместе с тем природа его такова, что он привыкает к тому, к чему он приучен.

Скажем поэтому, что человек привыкает ко всем тем вещам, к которым он приучен, «о для него естественно только то, к чему влечет его непосредственная и неиспорченная природа.

Итак, первой причиной добровольного рабства является привычка, та привычка, в силу которой самые лучшие кони сначала грызут свои удила, а потом тешатся ими, в силу которой кони сначала рвутся из-под седла, а под конец, одетые в доспехи, важно гарцуют в своей сбруе. Люди утверждают, что они всегда были в порабо-

щении, что так жили их отцы. Они полагают, что должны переносить зло, и всякими примерами заставляют себя верить в это. Давностью они оправдывают власть тех, кто их тиранит, между тем как в действительности никакая давность не дает права причинять зло и лишь усиливает злодеяние.

Однако всегда находится известное число людей, более одаренных от природы, которые, чувствуя бремя ига, желают свергнуть его и никогда не могут свыкнуться с порабощением. Эти люди, как Улисс, который как на море, так и на суше тосковал по дыму своего родного очага, никогда не могут забыть о своих естественных правах и не вспоминать о первоначальной свободе своих предков. Обладая ясным пониманием и прозорливым умом, они не довольствуются, подобно невежественной толпе, только тем, чтобы видеть, что у них под ногами, но хотят знать, что находится позади и что впереди них. Они вспоминают о прошлом лишь для того, чтобы по нему судить о будущем и мерить им настоящее. Имея от природы хорошо устроенные головы, они еще отшлифовали свой ум образованием и наукой. И эти люди, даже если бы свобода была полностью утрачена и изгнана из мира, все же представляли бы себе ее, ощущали бы ее мысленно и все еще наслаждались бы ею. Ибо рабство им всегда не понутру, чем бы его ни скрашивали.

Турецкий султан догадался об этом: он понял, что книги и науки более всего дают людям возможность узнать себя и возбуждают ненависть к тирании; говорят, что в его владениях есть только такие ученые, которые ему нужны. Но обычно люди, сохранившие, несмотря на протекшее время, верность свободе, как бы они ни были многочисленны, при всей их любви и рьяной приверженности к свободе не имеют никакого влияния, ибо они не

знают друг о друге. И это потому, что, находясь под властью тирана, они, при полном отсутствии свободы что-либо делать, говорить и даже думать, остаются совершенно изолированными в своих помыслах. Таким образом, бог насмешки Мом не зря издевался, когда порицал Вулкана за то, что тот не сделал в созданном им человеке небольшого окошечка в сердце, через которое можно было бы читать его мысли ¹⁶. Рассказывают, что когда Брут и Кассий предприняли попытку освободить Рим, а тем самым и весь мир, то они не хотели включить в своей состав Цицерона ¹⁷, этого великого приверженца общественного блага, — если он таковым когда-либо был! — ибо они считали его дух слишком слабым для такого высокого подвига; они верили в его добрую волю, но не были уверены в его мужестве.

Всякий, кто захочет поразмыслить о деяниях прошлого и заглянуть в анналы древности, убедится, что немного было или совсем не было примеров таких лиц, которые не преуспели бы в деле освобождения своей дурно управляемой и находящейся в плохих руках страны, если оно предпринято было с серьезным, честным и искренним намерением. Он убедится и в том, что сама свобода, которая должна была народиться, помогала их усилиям. Гармодий и Аристокитон ¹⁸, Трасибул ¹⁹, Брут Старший ²⁰, Валерий ²¹ и Дион ²², так как они преисполнены были добродетельных намерений, успешно выполнили их: в таких случаях добрая воля почти никогда не терпит неудачи. Брут Младший и Кассий ²³ успешно положили конец рабству, но при восстановлении свободы оба погибли. Однако конец их не был жалок. В самом деле, каким святотатством было бы сказать, что было хоть что-нибудь жалкое в жизни этих людей, как и в их смерти; напротив, их гибель нанесла огромный ущерб: она при-

вела к длительным бедствиям и к полному уничтожению республики, которая была как бы похоронена вместе с ними. Другие, последовавшие за этим попытки, направленные против римских императоров, были лишь заговорами честолюбцев, крах которых недостоин сожаления, ибо легко убедиться, что они стремились не уничтожить корону, но возложить ее на другого, они замыслили изгнать тирана и сохранить тиранию. Подобным людям я первый не пожелал бы успеха, и я рад, что они своим примером показали, что не следует злоупотреблять священным именем свободы. Для прикрытия низких замыслов.

Но, возвращаясь к прерванной нити рассуждения, следует сказать, что главная причина, по которой люди добровольно отдаются в рабство, состоит в том, что они рождаются рабами и в рабстве воспитываются. Из этой причины вытекает и другое следствие, а именно: находясь под властью тиранов, люди легко становятся трусливыми и расслабленными. Знанием этого я крайне обязан великому отцу медицины Гиппократу, обратившему на это внимание и соответственно трактовавшему это явление о своей книге «О болезнях»²⁴. Впрочем, этот человек вообще был наделен выдающимся духом и ясно обнаружил это, когда великий царь хотел привлечь его к себе щедрыми дарами и обещаниями²⁵. Он ответил ему напрямик, что было бы против его совести взяться лечить варваров, убивавших греков, и преданно служить своим искусством тому, кто стремится поработить Грецию. Письмо, которое он послал ему, можно и сейчас найти в его сочинениях, оно навсегда останется свидетельством его благородства и мужества.

Не подлежит, таким образом, сомнению, что вместе со свободой заодно утрачивается и доблесть. Порабощенный народ не находит никакой радости в борьбе и не стремится к ней: он идет на опасность как бы связанный и совершенно оцепенелый, как бы находясь на поводу, он отнюдь не чувствует, чтобы в нем кипела жажда свободы, которая заставляет презирать опасность и внушает желание снискать себе честь и славу храброй смертью среди своих товарищей. Люди свободные стремятся сделать как можно больше для общего блага; каждый в меру своих сил старается сделать все возможное; они все хотят иметь свою долю либо в беде поражения, либо в благе победы. Напротив, люди порабощенные утрачивают не только этот воинственный пыл, но вдобавок и всякую энергию во всех прочих вещах, они слабы, малодушны и не способны ни на какие подвиги. Тираны хорошо знают это, и, видя эту перемену в людях, они всячески содействуют тому, чтобы люди еще больше теряли человеческий облик.

Ксенофонт ²⁶, замечательный, первоклассный греческий историк, написал книгу, в которой он вывел Симонида, обсуждающего с сиракузским тираном Гиероном злоключения тирана. Эта книга полна метких и важных указаний, которые, на мой взгляд, как нельзя более убедительны. Да будет угодно богу, чтобы все тираны мира имели эту книгу перед глазами и чтобы она служила им зеркалом! Я не сомневаюсь, что они узнали бы в ней свои собственные язвы и немного устыдились бы своих мерзких дел. Эта книга рассказывает о мучениях тиранов, которые, причиняя всем зло, вынуждены всех бояться. Среди прочих вещей Ксенофонт говорит, что дурные государи пользуются для своих войн наемными чужеземцами, так как они не решаются дать оружие в руки своим гражд-

данам, которым они причинили столько зла. Были, конечно, и хорошие государи, которые брали к себе в наемники иноземцев; так поступали даже некоторые французские короли и в былые времена еще чаще, чем в настоящее время, но они делали это с другой целью, а именно — щадя жизни своих подданных и не жалея денег ради сохранения людей. Это, я думаю, имел в виду великий африканец Сципион ²⁷, сказав, что он предпочитает спасение жизни одного своего гражданина поражению ста чужеземцев.

Тиран никогда не считает свою власть достаточно прочной, и поэтому он старается, чтобы под его властью не оставалось ни одного достойного человека, так что к тирану с полным правом могут быть применены слова Теренция, вложенные им в уста Фрасона ²⁸, хваставшего тем, что он однажды сказал командующему слонами:

Не тем ли ты гордишься,
Что командуешь скотами?

Хитрость тиранов, состоящая в том, чтобы всячески оглуплять своих подданных, особенно наглядно выступает на примере того, что сделал Кир с лидийцами, захватив столицу Лидии Сарды²⁹ и взяв в плен богатейшего государя Креза, которого он увел с собой. Получив сведения о восстании жителей Сард, Кир быстро справился с ними, но, не желая ни предавать разграблению такой прекрасный город, ни быть вынужденным постоянно держать в нем большой гарнизон, чтобы сохранять его за собой, он решил прибегнуть к великолепному средству обеспечить за собой город. Он устроил в нем дома терпимости, игорные дома, публичные игры и издал приказ,

чтобы все жители пользовались всем этим. И этот способ оказался лучше всякого гарнизона, с этого времени ему уже не приходилось больше прибегать ни к одному выстрелу против лидийцев. Эти несчастные и жалкие люди забавлялись тем, что изощрялись в придумывании различных новых игр, так что римляне самое слово «игра» произвели от их имени, и то, что мы называем «препровождение времени», «игра», они обозначали словом «ludi», как бы желая сказать «lydi».

Однако далеко не все тираны так откровенно заявляют о своем желании развращать своих подданных, но в действительности они под сурдинку большей частью делают то же самое, что он провозгласил открыто и провел в жизнь. В самом деле, природа простого народа, особенно многочисленного в городах, такова, что он подозрителен по отношению к тем, кто его любит, и доверчив и прост по отношению к тем, кто его обманывает. Не думаю, чтобы нашлась какая-либо птица, которая лучше бы ловилась на приманку, или рыба, которая скорее бы шла на крючок, чем все народы попадают в рабство из-за малейшего перышка, которым им, как говорится, помажут по губам; так что приходится удивляться, как легко они поддаются, лишь только их пощекочут.

Театры, публичные игры, представления, фарсы, зрелища, гладиаторы, невиданные животные, медали, картины и тому подобные глупости — таковы были у античных народов приманки рабства, цена их свободы и оружие тирании. Таковы были приемы, такова была практика, таковы были приманки, применявшиеся античными тиранами для удержания подданных под своим ярмом. Таким образом, народы, сбитые с толку этими развлечениями, увеселяемые пустыми забавами, устраиваемыми перед их глазами, привыкали к рабству так же

простодушно, — но только с несравненно худшими последствиями! — как малые дети, которые выучиваются читать лишь для того, чтобы знать содержание ярко раскрашенных картинок в книжках.

Римские тираны придумали еще другой способ — часто угощать простой народ, умело совращая эту чернь, которая легче всего поддается соблазнам желудка: самый умный и развитой из ее числа не согласился бы пожертвовать своей миской супа ради восстановления свободы платоновской республики. Тираны под видом щедрости раздавали какой-нибудь модий³⁰ пшеницы, какой-нибудь секстарий вина или какую-нибудь сестерцию³², и тогда можно было слышать удручающие вопли: «Да здравствует король!» Эти тупицы не догадывались, что они получали таким образом часть своего же собственной добра и что тиран мог давать им даже и эту малость, лишь предварительно отняв ее у них же. Тот или иной из них мог подобрать сегодня сестерцию и наесться до отвала на публичном празднестве, благословляя Тиберия³³ и Нерона³⁴ за их несравненную щедрость, чтобы завтра, вынужденный отдать свое имущество алчности этих щедрых императоров, своих дочерей — их похоти и самую свою кровь — жестокости этих щедрых императоров, оставаться безмолвным, как камень, и неподвижным, как чурбан.

Простой народ всегда таков: он жаден и падок на удовольствия, которые он не может получить честным путем, и бесчувствен к несправедливости и страданиям, которые нельзя выносить без потери чести.

В настоящее время нет человека, который, услышав о Нероне, не был бы охвачен отвращением при самом произнесении имени этого отвратительного зло-

дея, этого мерзкого и грязного чудовища. И вот, когда он умер, этот палач, этот злоумышленник, этот дикий зверь, жизнь которого была так же гнусна, как и его смерть, то благородный римский народ, вспоминая о его празднествах и играх, был столь опечален, что готов был носить по нем траур. Так рассказывает об этом Корнелий Тацит³⁵, компетентный и надежный автор, один из наиболее достоверных. Это не покажется странным, если вспомнить, что этот же самый народ проделал раньше в отношении Юлия Цезаря, отменившего его законы и его свободу. В этом человеке, как мне кажется, не было ничего стоящего, ибо даже его столь хваленая гуманность была хуже жестокости самого свирепого из когда-либо существовавших тиранов, так как в действительности этой своей отравляющей мягкостью по отношению к римскому народу он лишь подслащал его рабство. Между тем после его смерти этот народ, у которого еще был на устах вкус его пиров, а в памяти свежи воспоминания о его щедрости, сначала бросил в костер, на котором сжигались его останки, скамьи форума, а затем воздвиг ему колонну как «Отцу народа»³⁰ (так гласила надпись на капители) и оказал ему, мертвому, такие почести, которых не заслуживал ни один человек на свете, разве только его убийцы.

Эти римские императоры не забывали также обычно принять титул народного трибуна как потому, что это звание считалось священным, так и потому, что оно было установлено с одобрения государства для защиты и охраны народа. Благодаря этому они добивались большого доверия у народа, как если бы народ должен был полагаться на звание, которое они носили, а не ощущать на себе благодетельные последствия его. В наши дни по их стопам идут те, которые не совершают ни одного злодея-

ния, даже самого крупного, не предпослав этому каких-нибудь прекрасных слов об общественном благе и общем благосостоянии. Тебе ведь хорошо знакома, Лонга, та формула, которою они искусно умели пользоваться в известных местах; впрочем, в большинстве случаев не может быть искусства там, где есть столько бесстыдства.

Ассирийские цари, а вслед за ними и мидийские по возможности реже показывались народу, желая внушить ему, что в них есть нечто сверхчеловеческое, и стараясь, чтобы народ пребывал в этом заблуждении, ибо люди охотно преувеличивают в своем воображении то, чего они не могут увидеть. Таким образом, многие народы, довольно долго находившиеся под ассирийским владычеством, при помощи этой тайны были приучены к порабощению и служили тем охотнее, чем меньше знали своего повелителя; иногда же они совсем не знали, есть ли он вообще, и все доверчиво боялись того, кого никто никогда не видал. Первые цари Египта показывались не иначе, как иногда с кошкой, иногда с веткой, иногда имея огонь на голове, и, маскируясь таким образом, творя разные чудеса, они при помощи этих необычных вещей внушали своим подданным известное уважение и удивление, тогда как людям не слишком раболепным и глупым эти вещи, как мне кажется, показались бы только забавными и смешными.

К каким только жалким средствам не прибегали тираны прошлых времен для утверждения своей тирании! Какими только уловками они не пользовались, всегда находя при этом достаточно падкий на эти обманы простой народ. Не было такой сети, в которую он тотчас же не попался бы; тиранам никогда ничего не стоило обмануть

его, и они всегда тем легче порабощали народ, чем больше смеялись над ним.

Что сказать о другой лжи, которую народы древности принимали за чистую монету? Они твердо верили, что большой палец на ноге эпирского царя Пирра ³⁷ делает чудеса и излечивает от болезней селезенки; они еще приукрасили эту басню, прибавив к ней, что после того, как тело Пирра было сожжено, этот палец уцелел от огня и остался невредимым.

Таким образом, одураченный народ сам сочиняет выдумки, чтобы впоследствии уверовать в них. Об этих чудесах писало множество людей, но из этих писаний ясно видно, что они были основаны на городских слухах и на пустой болтовне простого народа. Веспасиан, возвращаясь из Ассирии и находясь в Александрии, откуда он собирался направиться в Рим на завоевание империи, совершил чудеса: он исцелил хромых, вернул зрение слепым и сделал еще много подобных вещей, так что те, кто не в состоянии были разглядеть скрывавшийся за этим обман, были, на мой взгляд, более слепы, чем те, которых исцелил Веспасиан ³⁸.

Тираны сами поражались, как могут люди выносить человека, причиняющего им зло; поэтому они всячески старались прикрыться, как щитом, религией и приписать себе, если это было возможно, признаки божественности для поддержания своих злодеяний. Если верить пророчице Вергилия Сивилле, спустившейся с Энеем в подземное царство ³⁹, то Салмоней ⁴⁰ за то, что он именно таким образом издевался над людьми и выдавал себя за Юпитера ⁴¹, «впоследствии расплачивался за это, и она увидела его в самой глубине ада.

Зрела и те, что даны Салмонею, страшные
казни ⁴²,

Пламени Иова и грому Олимпа сей
подражая,

Коней четверкой влеком; и светоч в руке
сотрясая,

Грайский через народ и чрез город Элиды
средней,

Ехал ликуя, себе поклонений требуя
божьих.

Неподражаемый пламень небес и тучи,
безумец! —

Медью и стуком хотел заменить рогагогих
он коней.

Но всемогущий отец стрелу, облака сквозь
густые,

Ринул на светочи те, на огни он факелов
оных

Дымные и ниспроверг стремглав его в
вихре огромном.

Но если Салмонею, только за его безрассудство, был
оказан в аду подобный «прием, то я полагаю, что те, ко-
торые намеренно злоупотребляли религией для прикры-

тия своих злых дел, понесут в нем еще более заслуженное наказание.

У нас во Франции в этих же целях пользовались лягушками, орифламмой, цветами лилии, «сосудом со священным елеем⁴³, служащим для помазания. Что касается меня, то, как бы там ни было, я не хочу высказывать «по этому поводу недоверия, ибо ни мы, ни наши предки не имели до сих пор никаких оснований не верить этому. Наши короли всегда были так хороши в мирное время и так доблестны в военное, что хотя они рождаются королями, однако кажется, «будто они созданы природой не как другие, а избраны самим всемогущим богом еще до своего рождения для управления и сохранения французского государства.

Однако, если бы даже это было и не так, я все же не хотел бы оспаривать истинности наших сказаний, ни слишком усердно их раскапывать, чтобы не лишиться прелести этот прекрасный источник, из которого может так усиленно черпать наша французская поэзия, в настоящее время не вычурная, но как бы совершенно обновленная нашим Ронсаром, нашим Баифом, нашим Дюбелле⁴⁴. Им мы обязаны огромными успехами французского языка, и я льщу себя надеждой, что греки и римляне скоро не будут иметь в этом отношении других преимуществ перед нами, кроме прав старшинства. Я, несомненно, нанес бы этим большой ущерб нашей поэзии, — я охотно пользуюсь этим словом, оно мне по душе, хотя многие и сделали ее вульгарной, — тем не менее я вижу достаточно людей, способных ее облагородить и вернуть ей ее былой блеск. Я говорю, что нанес бы поэзии большой ущерб, лишив ее в настоящее время прекрасных оказаний о короле Хлодвиге, которыми, как я предвижу, весело и во-

всю будет наслаждаться муза нашего Ронсара в его «Франоиаде»⁴⁵. Я знаю его величие, я ценю острый ум и изящество этого человека; он сумеет воспользоваться для своих целей орифламмой не хуже, чем, согласно Вергилию, римляне своими священными.

Щитами, упавшими с неба...⁴⁶

Он сумеет использовать наш священный сосуд с елеем так же, как афиняне использовали корзины Эрехтея⁴⁷, он прославит наши доспехи не хуже, чем они свою оливковую ветвь, которая, как они уверяют, по сей день хранится в храме (Минервы⁴⁸. Разумеется, было бы возмутительным с моей стороны желать разоблачить эти наши старинные книги и нападать на домен наших поэтов. Но, возвращаясь к невольно прерванной нити моего изложения, следует сказать, что ради утверждения своей власти тираны всегда старались приучить народ не только к рабству и повиновению, но и к благоговению. Однако все, что я до сих пор сказал о том, как тираны приучают людей служить им, касается простого и невежественного народа.

Но сейчас я перехожу к вопросу, который, на мой взгляд, составляет секрет и основу тирании. По-моему, глубоко ошибается тот, кто думает, что тираны охраняют себя алебардами, стражей и расстановкой часовых; правда, они этим пользуются, но скорее как пугалом и больше для соблюдения формы, чем возлагая надежды на них. Телохранители охраняют вход во дворец от безоружных бедняков, которые не могут причинить тиранам никакого вреда, а не от прекрасно вооруженных людей, способных совершить любое покушение.

Так, история римских императоров показывает, что их телохранители не столько избавляли их от опасностей, сколько убивали их. Не отряды конной или пешей охраны и не оружие защищают тиранов, но, как ни трудно этому поверить с первого взгляда, однако это бесспорно: тирана всегда поддерживают четыре или пять человек, четыре или пять человек держат для него в порабощении всю страну. У тиранов всегда было пять или шесть приспешников, наущивавших ему; эти люди либо сами сумели приблизиться к нему, либо были им привлечены к себе, чтобы сделать их соучастниками его жестокостей, пособниками его удовольствий, сводниками его наслаждений и сообщниками его грабежей.

Эти шестеро с таким успехом дирижируют своим вождем, что заставляют его быть злым для общества не только его собственной, но еще и их злостью. Эти шестеро имеют под собой шестьсот человек, пользующихся их милостями. Эти шестьсот проделывают с шестерыми то же, что эти последние проделывают с тираном. От этих шестисот зависят в свою очередь шесть тысяч других, которых они возвысили раздачей должностей, поручив одним управление провинциями, другим — руководство финансами, с тем, чтобы они служили их алчности и жестокости и выполняли в нужный момент эту роль и чтобы они совершали зло, которое может продолжаться только при них и только под их сенью оставаться безнаказанным и ускользать от законной кары. За этими шестью тысячами следует еще большой черед, и тот, кто захочет заняться разматыванием этого клубка, убедится, что не только шесть тысяч, но сотни тысяч, миллионы связаны этой цепью с тираном и пользуются ею так же, как у Гомера Юпитер, который хвастал, что если он потянет за цепь ⁴⁹, то стащит к себе всех богов. Этим объясняется

расширение сената при Юлии Цезаре ⁵⁰, ради этого создаются новые должности и новые ведомства, которые все учреждаются на деле не ради реформы правосудия, а для того, чтобы служить новой опорой тирании. И в результате получается, что люди, занимающие эти должности, имеют эти милости из первых или из вторых рук, и этими выгодами они связаны с тиранами, так что в конечном счете оказывается, что людей, которым тирания выгодна, почти столько же, сколько и тех, которым дорога свобода. И подобно тому как доктора говорят, что если есть в нашем организме что-нибудь испорченное, то тотчас же к этому поврежденному месту приливают все дурные соки, так же точно и к государю, как только он превращается в тирана, устремляется вся скверна, все подонки государства; я имею в виду не клику мелких воров и мошенников, не способных воздействовать на судьбы государства ни в дурную, ни в хорошую сторону, но тех отмеченных пламенем честолюбия и непомерной алчностью, которые собираются вокруг него и поддерживают его, чтобы обеспечить себе долю в добыче и быть самым маленькими тиранчиками при большом тиране. Так же поступают большие грабители и знаменитые корсары: одни из них рыскают по стране, другие выслеживают и останавливают путешественников, одни караулят, другие сидят в засадах, одни убивают, другие грабят, и хотя между ними существует определенная иерархия, поскольку одни являются главарями банды, а другие слугами, тем не менее среди них нет ни одного, кто бы не был если не соучастником раздела добычи, то по крайней мере претендентом на нее. Достоверно известно, что киликийские пираты не только собирались в такие крупные отряды, что против них пришлось направить Помпея великого ⁵¹, но известно также, что они привлекали на

свою сторону многие богатые местности и крупные города, в портах которых они укрывались по возвращении со своих набегов и которым в награду за пристанодержательство уделяли часть награбленного добра.

Тиран, таким образом, порабощает одних подданных с помощью других и охраняется теми, которых — если бы только они чего-нибудь стоили — он должен был бы опасаться. Но, как говорится «чтобы расколоть дрова, делают клинья из того же дерева»; так и его стрелки, его копейщики, его гвардия таковы же, как и он. Бывает и так, что и они страдают от него. Но эти презренные существа, от которых отступились и бог и люда, готовы переносить зло, только бы им быть в состоянии делать его не тому, кто делает зло им, но тем, которые так же терпят его, как и они, и не могут иначе.

И, однако, всякий раз при виде этих людей, которые подло льстят тирану, чтобы извлекать свои выгоды из его тирании и из рабства народа, их зловредность повергает меня в изумление, а их глупость внушает мне иногда жалость. Ибо действительно, что иное означает близость к тирану, как не удаление от своей свободы, как не стремление, так оказать, удерживать рабство обеими руками? Пусть они отбросят на время в сторону свое честолюбие, пусть они немного избавятся от своей алчности и пусть затем взглянут на себя и увидят себя такими, как они есть. Тогда они ясно увидят, что горожане и те самые крестьяне, которых они всячески попирают ногами и с которыми они обращаются хуже, чем с каторжниками и рабами, — они увидят, говорю я, что эти люди, как бы плохо с ними ни обращались, по сравнению с ними счастливее и по-своему до известной степени свободны. Крестьянин и ремесленник, как бы они ни были порабощены, выполнив то, что с них требуют, свободны, приспешники

же тирана должны все время находиться у него на глазах и кланчить у него милости. Недостаточно, чтобы они выполняли его приказы, — необходимо, чтобы они угадывали его желания и для его удовлетворения еще и предупреждали их. С их стороны недостаточно повиноваться ему, — им необходимо еще угождать ему; они должны расшибать себе лоб для него, мучиться, убиваться для него на работе, затем они должны радоваться его удовольствиям, как своим собственным, отказываться ради его склонностей от своих собственных, они должны насиловать свою природу, они должны внимательно следить за своими словами, за своим голосом, за своими жестами, за своим взглядом. Не должно быть ни глаза, ни ноги, ни руки, которые не находились бы целиком на страже его желаний; всё должно предугадывать его мысли. Но разве можно все это назвать счастливой жизнью? Разве это вообще значит жить? Есть ли на свете что-либо более невыносимое, чем такое положение, я уже не говорю для просвещенного человека, но даже просто для человека со здравым смыслом или, наконец, для человека, не утратившего хотя бы человеческий облик. Есть ли более жалкое положение, чем жить так, чтобы у тебя не было ничего своего, так, чтобы все — и твой покой, и твоя свобода, и твое тело, и самая жизнь целиком зависели от другого.

Но они хотят служить, чтобы приобрести богатства, как если бы они могли приобрести хоть что-нибудь, что действительно принадлежало бы им, поскольку они даже сами себе не принадлежат, и как если бы кто-нибудь мог иметь хоть что-либо свое собственное при тиране. Они хотят, чтобы богатства принадлежали им, и забывают при этом, что сами же они дают тирану возможность отнимать все у всех, не оставляя ничего, что можно было

бы назвать принадлежащим кому-нибудь другому. Они видят, что ничто так не подвергается жестоким преследованиям тирана, как богатство, что собственность есть худшее преступление перед ним, достойное даже смерти, что он любит только богатства и грабит только богатых, а они, упитанные и откормленные словно на убой, предстают перед ним, чтобы отдаться ему в руки, как живодеру, ждущему их с нетерпением. Эти фавориты должны помнить не столько о тех, кто, находясь в окружении тирана, накопил большие богатства, сколько о тех, кто, собрав богатства в течение некоторого времени, потом лишился не только их, но и своей жизни. Они должны вспоминать не о тех, кто приобрел богатства, а скорее о том, как мало таких, которые их сохранили. Вся история прошлых лет, а равно и наших дней ясно показывает, как велико было число тех, кто, добившись дурными средствами влияния на королей и затем используя их зловредность или злоупотребив их глупостью, под конец погибали от их руки. Тираны возвышали их с такой же легкостью, с какой впоследствии свергали. Среди огромного числа людей, которые в то или иное время были близки к стольким дурным государям, немного или даже совсем не найдется таких, которые хоть когда-нибудь не испытали на себе жестокость того самого тирана, которого они до этого натравливали на других. Большой частью разбогачив под сенью его милостей, за счет разорения других, они своими нагребленными состояниями под конец сами же обогащали тирана.

Даже благородные люди, если таковые иногда полюбят тирану и попадут к нему в милость, ибо в них так ярко сияют добродетель и неподкупность, что они даже худшим внушают известное уважение к себе, в особенности когда их видишь близко около себя, — то эти

благородные люди, говорю я, недолговечны, они вскоре начинают ощущать общую болезнь и на своем собственном опыте испытывают действие тирании. Примером этого могут служить Сенека, Бурр, Тразеа ⁵², этот триумvirат благородных людей. Двух из них злая судьба сделала близкими тирану, отдав им в руки ведение его дел, обоих их тиран высоко ценил и любил, и к тому же один из них, будучи воспитателем тирана, имел залогом его дружбу с детских лет. Но все эти трое своей жестокой смертью убедительно доказали, как непрочна милость дурного государя. И действительно, какой дружбы можно ожидать от того, кто настолько жесток, что ненавидит свой собственный народ и требует от него лишь повиновения, от того, кто, не подозревая даже, что значит быть окруженным любовью, обкрадывает самого себя и разрушает свою власть?

Однако, если скажут, что названные трое испытали эти злоключения потому, что хотели благородно действовать, в таком случае пусть смело взглянут на других, кто был близок к этому же тирану, и тогда убедятся, что даже те, которые попадали в милость к нему и всякими злокозненными средствами сохраняли ее, тем не менее оказывались столь же недолговечными. Слышал ли кто-нибудь о более самозабвенной любви, о более ревностной страсти, приходилось ли кому-нибудь читать о человеке, более упорно привязанном к своей жене, чем Нерон к Поппее? ⁵³. И что же? Впоследствии она была им отравлена. Мать его Агриппина ⁵⁴ убила своего мужа Клавдия, чтобы проложить своему сыну путь к власти; ради того, чтобы сделать что-нибудь для него, она готова была перенести все, шла на все трудности. И что же? В конце концов этот самый вскормленный ею сын, ее рукою сделанный император, после того как он постоянно прене-

брегал ею, лишил ее жизни. И не было человека, который не сказал бы, что она понесла вполне заслуженное наказание, если бы только это преступление было совершено чьими-нибудь другими руками, а не руками того, кому она даровала жизнь.

Было ли кем-нибудь управлять легче, чем императором Клавдием? Был ли кто-нибудь более простодушен, чем он, вернее, большим простаком, чем он? Кто когда-нибудь был более обманут своей женой, чем он Мессалиной? ⁵⁵ Под конец он сам передал ее в руки палача. Глупость тирана — если она ему присуща — всегда делает его не способным на добрые деяния, но странным образом у тиранов всегда хватает ума, как бы мало его у них ни было, чтобы совершать жестокости, даже по отношению к тем, кто им близок.

Достаточно широко известно замечательное изречение другого тирана ⁵⁶, который, целуя шею своей страстно любимой жены, без которой он, казалось, жить не мог, приговаривал при этом: «Столь прекрасная шея, а стоит мне приказать — и она полетит с плеч долой». Вот почему большинство тиранов древности обычно погибало от руки своих ближайших фаворитов, которые, познав природу тирании, больше боялись могущества тирана, чем доверяли его благосклонности. Так, Домициан ⁵⁷ был убит Стефаном, Коммод ⁵⁸ — одной из своих возлюбленных, Антонин ⁵⁹ — Макрином, и такой же насильственной смертью погибли почти все остальные тираны.

Дело в том, что тиран, разумеется, никогда не любил и не любит. Дружба, это — священное слово, это — святая вещь, она устанавливается только между порядочными людьми и развивается лишь на основе взаимного уважения. Она поддерживается не столько путем благо-

деяний, сколько путем хорошей жизни. Уверенность в друге создается убежденностью в его безупречности: гарантией ее являются его хорошие природные качества, его верность и постоянство. Не может быть дружбы там, где есть жестокость, там, где есть вероломство, там, где есть несправедливость. Объединение дурных людей — это не товарищество, а заговор: они не любят друг друга, а скорее боятся друг друга, они не друзья, а сообщники.

Но если бы даже этого препятствия не существовало, то не легко было бы найти в тиране прочную любовь, ибо, стоя над всеми и не имея товарищей, он тем самым выходит за границы дружбы, оказывается выше ее, между тем как подлинной основой дружбы является равенство; дружба никогда не допускает иерархии, а всегда требует равенства. Вот почему даже между членами воровской шайки (как говорят) существует известное доверие при разделе добычи, так как они равны и товарищи, и если они не любят, а скорее боятся друг друга, то во всяком случае они не хотят разъединением ослаблять себя.

Что же касается тирана, то те, кто являются его фаворитами, никогда не могут быть в нем уверены, поскольку от них же самих он знает, что ему все позволено и что нет никакого права, никакого долга, которые обязывали бы его. Таким образом, он привыкает считать свою волю законом и, не имея себе равных, является повелителем всех. Поэтому разве не жаль, что, имея перед глазами столько наглядных примеров, видя, что опасность всегда налицо, никто не хочет учиться на чужом опыте; разве не жаль, что среди стольких приближенных к тиранам людей не найдется ни одного, у которого хватило бы ума и смелости сказать им то, что, как рассказывается в басне⁶⁰, сказала лиса льву, который притворял-

ся больным: «Я охотно навестила бы тебя в твоей берлоге, но я вижу следы многих зверей, входивших к тебе, и ни одного следа уходивших обратно».

Эти презренные создания видят блеск сокровищ тирана и в изумлении глядят на его роскошь; привлеченные этим светом, они приближаются и не замечают, что попадают в пламя, которое неминуемо поглотит их. Это напоминает безрассудного сатира ⁶¹ (из древних басен), который, увидев принесенный Прометеем яркий огонь, нашел его столь прекрасным, что подошел поцеловать его и сгорел, или того мотылька, который, желая насладиться какой-нибудь радостью, устремляется к огню, так как он светится, и который, по словам тосканского поэта ⁶², испытывает на себе другое качество огня, а именно его способность сжигать.

Но допустим даже, что этим фаворитам удастся избежать рук того, кому они служат, однако им никогда не удастся спастись от его преемника. Если он хорош, то им придется дать отчет в своем прошлом и убедиться, по крайней мере под конец, что существует правосудие; если же он дурен и похож на своего предшественника, то у него, разумеется, найдутся свои собственные фавориты, которые обычно не довольствуются только тем, чтобы, в свою очередь, занять место своих предшественников, но в большинстве случаев желают получить их богатства и самую жизнь.

Найдется ли поэтому такой человек, который, невзирая на великую опасность и при столь малой уверенности в благополучном исходе, тем не менее захочет занять это злополучное место, чтобы служить при всех этих грозных обстоятельствах столь опасному повелителю? Боже правый, какое это наказание, какое это мучение день и ночь

только и думать о том, чтобы нравиться ему и вместе с тем бояться его больше всего на свете, быть всегда начеку, пристально следить и чутко прислушиваться, чтобы предугадать, откуда может последовать удар, чтобы раскрыть заговор, чтобы разгадать по выражению лица своих друзей, кто изменяет ему, чтобы всем улыбаться и одновременно всех бояться, не иметь ни одного явного врага и ни одного верного друга, ходить всегда с улыбкой на лице и с пронзенным сердцем, не знать радости и не осмеливаться быть печальным.

Приятно, однако, подумать о том, что они получают за свое мученье и какие блага ожидают их за несносную жизнь. Народ наперебой обвиняет в бедствиях, которые он терпит, не тирана, а тех, кто тираном руководит; народы, нации, все, вплоть до крестьян, до земледельцев, знают их имена, разоблачают их пороки, сыплют на их головы тысячи оскорблений, тысячи мерзостей, тысячи проклятий. Все молитвы, все желания направлены против них. Народ винит только их в своих несчастьях, во всех болезнях, голодовках. Если же иногда он для видимости оказывает им какое-то почтение, то он при этом клянет их в душе и боится их больше, чем диких зверей. Вот слава, которую они снискивают себе, вот почет, которым их окружают за их службу люди, каждый из которых, если бы даже он получил кусок их живого тела, то хотел бы еще большего и не считал бы себя достаточно удовлетворенным их наказанием. Ибо даже после того, как этих фаворитов больше нет в живых, люди никогда не устают чернить имена этих пожирателей народа ⁶³ тысячами перьев, увековечивать их дурную славу в тысячах книг и, так сказать, волочить их кости на поругание потомству, наказывая их даже после смерти за их злокозненную жизнь.

Станем же иногда, станем поступать добродетельно: поднимем очи горе либо ради нашей чести, либо из любви к самой добродетели, либо, говоря по совести, ради любви и чести всемогущего бога, достоверного свидетеля наших поступков и праведного судьи наших прегрешений. Со своей стороны я убежден, — и думаю, что не ошибаюсь в этом, ибо нет для бога, при всей его благодати и всем его милосердию, ничего омерзительнее, чем тирания, — что им в загробной жизни отдельно уготована какая-то особая кара для тиранов и их приспешников.

Комментарии

¹*Нет в многовластии блага...* Гомер. Илиада, песнь вторая, строки 204–205, М. — Л... 1949, стр. 43.

²*как это было, например, с Афинами при тридцати тиранах.* В результате долгой Пелопоннесской войны Спарте удалось в 404 г. до нашей эры нанести сокрушительный удар Афинскому государству. Самым тяжелым последствием этого поражения было уничтожение в Афинах демократического строя. Власть была передана небольшой кучке богачей (олигархам). Всеми делами в Афинском государстве стал вершить комитет 30 олигархов, применивший систему беспощадного террора ко всем сторонникам демократии. Это жестокое правление опиравшихся на Спарту 30 олигархов получило название «тирании тридцати». Демократическое восстание, руководимое Трасибуллом, ликвидировало это олигархическое правительство (401 г. до нашей эры).

³*В столь прославленных битвах Мильтиада, Леонида, Фемистокла.* Мильтиад (младший) — знаменитый афинский полководец, особенно прославившийся победой над персами (армией Дария) при Марафоне (в 490 г. до нашей эры). Марафонская победа была прославлена греческой традицией, как национальная победа эллинов над восточным деспотизмом, над системой порабощения персидской монархии. *Леонид I* — спартанский царь (489–488 гг. до нашей эры). Был послан, во главе греческих войск против персов (полчищ Ксеркса) к Фермопильскому ущелью с целью закрыть персам путь в Среднюю Грецию с севера. Но персы обошли небольшой заслон Леонида с тыла, и он, вместе со своими тремястами спартанцев, пал на поле брани. Позднейшая тра-

диция, стремясь реабилитировать допущенные командованием ошибки, окружила битву при Фермопилах легендами. На месте сражения в Фермопилах поставлен был памятник в честь героической доблести Леонида и его небольшого отряда. *Фемистокл* (ок. 525–461 гг. до нашей эры) — выдающийся политический деятель и полководец Афин в период греко-персидских войн. Стоял во главе так называемой «морской» партии, представлявшей интересы торгово-ремесленных групп, связанных с морской торговлей. Фемистокл стремился нанести персам еще более решительное поражение, чем Мильтиад. Фемистокл содействовал усилению морской мощи Афин, создав многочисленный флот, превративший Афины в первоклассную морскую державу. После того как персы захватили всю Среднюю Грецию, Фемистокл настоял на сосредоточении всех морских сил у острова Саламина для генерального сражения с персидским флотом. В 480 г. произошло морское сражение при Саламине, в котором греки нанесли персам решительное поражение. Полная победа греков над персами на море явилась поворотным пунктом в ходе войны. В позднейшей традиции эта борьба греков за свою независимость была окружена героическим ореолом. Афинский драматург Эсхил, сам участник Саламинского сражения, так оценивал его значение в драме «Персы»:

Вперед, сыны Эллады!

Спасайте родину, спасайте жен,

Детей своих, богов отцовских храмы,

Гробницы предков: бой теперь идет за
все!..

⁴*Лонга.* Гильом де Люр, барон Лонга, друг Ла Боэси и предшественник его по бордоскому парламенту. Когда Лонга был призван в парижский парламент, Ла Боэси занял его место. Славившийся своими знаниями, Лонга пользовался большим уважением со стороны Ла Боэси, который дважды обращается к нему в своем «Рассуждении».

⁵*создали себе тирана.* Имеется в виду Саул, первый царь еврейского народа, помазанный на царство в XI в. до нашей эры.

⁶*тирана Писистрата* (ок. 600–527 гг. до нашей эры). Афинский тиран. Опираясь на своих приверженцев и на наемные отряды, Писистрат, боровшийся с афинской аристократией и выдававший себя за вождя аттического крестьянства, около 560 г. до нашей эры захватил власть в Афинах и стал тираном. Положение его было сначала непрочным, и он неоднократно изгонялся из Афин. Только в 540 г. он окончательно укрепился и правил в Афинах до самой смерти.

⁷*Так было с населением Сиракуз, главного города Сицилии (который теперь, как говорят, называется Сарагоссой).* Название «Сиракузы» произошло от Сирака, болотистой местности, близ которой был заложен город. Ла Боэси был, повидимому, кем-то введен в заблуждение и ошибочно предполагал, будто Сиракузы стали называться Сарагоссой (в действительности Сарагосса — город в Испании).

⁸*Дионисий.* Сиракузский тиран (406–367 гг. до нашей эры). Сделавшись главным образом с помощью наемников командиром войск в Сиракузах, Дионисий, воспользовавшись ненавистью народа к знати, захватил

власть. Говоря об опасности, которую Дионисий отразил, Ла Бозси имеет в виду долгую и успешную борьбу Дионисия с карфагенянами.

⁹*Митридат, говорят, постепенно приучал себя к яду.* Митридат VI Евпатор (120—63 гг. до нашей эры), понтийский царь, был одним из самых грозных и могущественных врагов Рима. Ссылка в тексте относится к молодым годам Митридата, когда он должен был наследовать своему отцу, Митридату V, но ему, по рассказу Плиния, пришлось спасаться от козней матери и коварства опекунов. Митридат бежал и в течение нескольких лет скрывался от своих врагов, подвергаясь всяким лишениям. По словам Плиния, Митридат старался закалить себя и приучал себя к яду. На старости лет, побежденный Помпеем и всеми покинутый, Митридат покончил с собой, бросившись на меч, после тщетных попыток отравиться ядом [ом. Pline. Histoire naturelle, t. II, / . XXV, 3. Paris, 1850 (полатыни и по-французски)].

¹⁰*законодатель Спарты Ликург.* Полулегендарный законодатель древней Спарты, которому приписывали создание всего государственного строя Спарты. Однако законы, приписываемые Ликургу, не могли ему принадлежать, так как они явно относятся к более позднему времени. Для писателей XVI века (Маккиавелли, Бодена, Монтеня, Ла Бозси и т. д.) Ликург — образец разумного законодателя. Сообщаемый в тексте рассказ заимствован из трактата Плутарха «О воспитании детей...» [см. Plutarch. Kinderzucht. München, 1947, стр. 15 (по-гречески и по-немецки)].

¹¹*Когда Ксеркс снаряжал свою огромную армию для завоевания Греции.* Имеется в виду поход 480 г. до нашей эры персидского царя Ксеркса (485—465 гг. до нашей

эры) в Грецию. Ла Боэси, повидимому, исходит изданных Геродота о численности персидской армии, но цифры, приводимые Геродотом (свыше 5 миллионов человек), несомненно, сильно преувеличены. Однако они свидетельствуют о том, что армия Ксеркса по тем временам действительно представляла внушительную силу, значительно превосходившую греческие войска.

¹²*Талфибий*. Вестник Агамемнона в «Илиаде» (см. Гомер. Илиада, песнь первая, строка 320. М. — Л., 1949, стр. 27).

¹³*Два спартанца, один по имени Спертий, другой — Булис, добровольно вызвались расплатиться за это дело.* Этот эпизод и знаменитый ответ, данный обоими спартанцами сатрапу Гидарну, подробно излагаются у Геродота (т. 2, книга VII. М., 1888, стр. 191–192). Маркс сочувственно цитирует этот ответ в статье «Дебаты шестого Рейнского ландтага» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. I, стр. 187–188).

¹⁴*Катон Утический...* — *таков был с юных лет этот человек, достойный своей смерти.* Марк Порций Катон младший (95–45 гг. до нашей эры), часто называемый Утическим по городу Утике, в котором он закончил свои дни, пронзив себя мечом. По рассказу Плутарха, Катон уже в ранней юности обнаружил твердость характера; таким он был и в отношениях с грозным римским диктатором Суллой (136—78 гг. до нашей эры). Убежденный сторонник республики, Катон в период первого триумvirата (негласного соглашения между Помпеем, Цезарем и Крассом о владычестве над республикой) был неутомимым защитником римской «свободы», под которой в действительности скрывались интересы крупных землевладельцев и представителей торгового капитала,

составлявших основу сенатской партии — оптиматов. В качестве одного из вождей оптиматов, Марк Порций Катон особенно энергично боролся против триумвиров, прибегая к самым разнообразным средствам защиты республиканских принципов. Он пользовался репутацией честного и неподкупного республиканца, одного из последних бойцов за Римскую республику. В разразившейся в дальнейшем борьбе за власть между триумвирами Катон являлся рьяным противником Цезаря и стал на сторону Помпея. Узнав о разгроме помпеянцев, Катон покончил с собой. Данные, приводимые Ла Боэси, взяты у Плутарха (см. Биографию Катона Утического. СПб., 1820, стр. 89—258).

¹⁵*Если бы действительно существовала страна вроде той страны киммерийцев, о которой рассказывает Гомер. В «Одиссее» Гомера киммерийцы изображаются как сказочный народ, живший на крайнем Западе, у океана, куда никогда не проникают лучи солнца. Страна их покрыта вечным туманом, «тьма простирается там над жалкими смертными вечно» (см. Гомер. Одиссея, песнь одиннадцатая, строки 14–19. Свердловск, 1948, стр. 150).*

¹⁶*Мом не зря издевался, когда порицал Вулкана за то, что тот не сделал в созданном им человеке небольшого окошечка в сердце, через которое можно было бы читать его мысли. Мом в греческой мифологии — бог насмешки и злословия. Вулкан — древнеримский бог огня, которого римская мифология отождествила с греческим богом огня, Гефестом. Приводимое в тексте место, у Лукиана — «Гермотим или о выборе философии», гласит: «...Я думаю, ты слышал рассказ про Мома, как он упрекал Гефеста? А если не слышал, то послушай теперь. Предание гласит, что Афина, Посидон и Гефест поспорили од-*

нажды, кто из них искуснее. И вот Посидон сотворил быка, Афина изобрела дом, Гефест же устроил человека. Когда они пришли к Мому, которого выбрали судьей, тот осмотрел их произведения и в каждом нашел недостатки... Человек... вызвал его издевательство и навлек порицание на своего творца Гефеста тем, что в груди у человека не было устроено дверцы, которая, открываясь, позволяла бы всем распознать, чего человек хочет, что он замышляет, лжет он или говорит правду» (Лукиан. Собр. соч., т. I, М., 1935, стр. 411–412).

¹⁷ *когда Брут и Кассий предприняли попытку освободить Рим... то они не хотели включить в свой состав Цицерона.* Ла Боэси имеет в виду рассказ Плутарха в его биографии Цицерона (см. Плутарх. Избранные биографии. М. — Л., 1941). Относительно Брута и Кассия см. прим. 23.

¹⁸ *Гармодий и Аристокитон.* Афинские тираноубийцы VI века до нашей эры. Устроили заговор против тиранов Гишгая и Гиппарха, сыновей Писиотрата (см. прим. 6). Заговор кончился неудачей: Гармодий был убит на месте покушения, Аристокитон же казнен после длительных пыток. Когда в Афинах восторжествовало демократическое правление, то Гармодий и Аристокитон были объявлены освободителями от тирании, мучениками афинской свободы, «вернувшими гражданам свободу и равенство».

¹⁹ *Трасибул.* Крупный афинский государственный деятель и полководец, славившийся своей любовью к отечеству. Когда в Афинах установилось правление тридцати тиранов (см. прим. 2), Трасибул был изгнан и бежал в Фивы, где стал копить силы для борьбы с тиранией. Осенью 404 г. до нашей эры Трасибул со своим отрядом занял Пирей, свергнул правительство тридцати и восстано-

вил прежнее демократическое государственное устройство.

²⁰*Брут Старший.* Луций Юний Брут, по римской легенде, — вождь восстания, низвергнувшего тиранию последнего римского царя Тарквиния Гордого и учредившего республику с двумя консулами (509 г. до нашей эры). В качестве одного из этих выборных консулов народившейся республики Бруту пришлось осудить на смерть двух своих сыновей, участвовавших в заговоре, который ставил себе целью возвращение Тарквиния.

²¹*Валерий.* Валерий Публий Попликола, по античной традиции, — римский консул, избранный в первый год республики (509 г. до нашей эры). Ему приписывается проведение закона, согласно которому всякий гражданин в пределах города имел право апеллировать на решение консула перед народным собранием В знак того, что верховная власть принадлежит народу, а не консулу, Валерий, как гласит предание, приказал, чтобы ликторы, шедшие впереди него в городе, носили только пучки тростника, без секиры, и, чтобы отклонить от себя всякие подозрения в стремлении к тирании, велел скрыть свой дом, напомилавший по постройке дворец. За свою любовь к народу получил прозвище Попликолы (т. е. друга народа). Умер в 503 г. (см. Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. I, вып. III. Валерий Попликола. СПб., 1891, стр. 284–317).

²²*Дион.* Дион Сицилийский (ок. 410–353 гг. до нашей эры), ученик и друг Платона, прославился своим покровительством Платону и походом на Сиракузы в 357 г., когда Сицилия была освобождена от тирании Дионисия младшего (см. жизнеописание Диона, составленное Плутархом).

²³*Брут Младший и Кассий успешно положили конец рабству.* Марк Юний Брут (85–42 г. до нашей эры) вместе с видным полководцем Кассием — вожди заговора против Юлия Цезаря, заговора, в котором приняли участие многие другие римские вельможи, недовольные стремлением Цезаря к царской власти. После убийства Цезаря (44 г.) Брут вынужден был покинуть Рим и отправиться на Восток, где вместе с Кассием собрал большую армию для борьбы с новыми узурпаторами— Антонием и Октавианом. Брут пытался поднять восстания в Малой Азии и на Балканском полуострове, но был разбит Октавием и Антонием в битве при Филиппах (в Македонии) и бросился на собственный меч. Несколькими днями раньше покончил с собой и Кассий.

Брут, считавший себя потомком полулегендарного Брута (см. прим. 20), изгнавшего из Рима Тарквиниев, часто изображался в литературе как образец республиканской доблести. Однако в действительности он был характерным представителем аристократического класса, понимавшего под республиканской свободой свою неограниченную власть над Римом и провинциями.

²⁴*Знанием этого я крайне обязан великому отцу медицины Гиппократу, обратившему на это внимание и соответственно трактовавшему это явление в своей книге «О болезнях»,* Гиппократ (460–367 гг. до нашей эры) — великий мастер врачебного искусства эпохи расцвета эллинской культуры. Происходил с острова Коса. Принадлежал к роду Асклепиадов и имел ближайшими предками врачей. Был одним из замечательных мыслителей и естествоиспытателей своего времени. Своими новаторскими идеями в медицине Гиппократ намного опередил свой век. Так, например, характерна для Гиппократа попытка

рассматривать физическую и психическую конституцию человека в зависимости от климатических условий — от расположения данной местности, режима ветров, осадков, воды, почвы и т. д., а также в зависимости от законов и обычаев данной страны.

Еще Платон высоко ценил Гиппократов как врача с философским уклоном. Ла Бозе ошибочно называет здесь книгу «О болезнях», между тем как приводимые им мысли содержатся в произведении Гиппократов «О воздухах, водах и местностях».

Вот что мы читаем в соответствующих местах этого сочинения, которые использует Ла Бозе:

«...Большая часть Азии управляется властью царей. А там, где люди сами над собой не властны и не независимы, а подчинены владыке, забота у них не о том, чтобы упражняться в военных делах, а чтобы казаться неспособными к войне. И в самом деле, опасности не одинаковы. Ведь подданным необходимо отправляться за своих господ на войну и переносить труды и смерть вдали от детей, жен и остальных друзей. И как бы ни были хороши и мужественны их дела» господа от них возвеличиваются и возрастают, сами же они, кроме опасностей и смерти, ничего не пожинают. При этом по необходимости земля у таких людей остается необработанной как по причине нашествия врагов, так и вследствие беспечности их самих; так что даже если кто по природе будет храбрым и мужественным, законы отвратят его от этого. Великим доказательством этого служит то, что все те греки и варвары Азии, которые вовсе не подчинены государям, а свободны и трудятся сами для себя, являются воинственнейшими из всех, ибо они подвергаются опасностям

для самих себя и как получают награду за храбрость, так несут наказание за трусость».

«...Жители Европы более воинственны также благодаря своим законам, потому что не повинуются власти царей, как азиаты. *Где подчиняются царям, там необходимо людям быть самыми боязливymi*, о чем сказано нами прежде, ибо души, попадая в рабство, не желают добровольно подвергать себя опасности за чужую власть понапрасному. *А которые живут по своим законам, те подвергаются опасностям для себя, а не для других*, и они охотно, по своей воле, идут навстречу опасности, так как награду за победу получают сами» (Гиппократ Избранные книги. М., 1936, стр. 296, 303; подчеркнуто мной. — Ф. К.-Б.).

²⁵ *когда великий царь хотел привлечь его к себе щедрыми дарами и обещаниями*. Имеется в виду персидский царь Артаксеркс II (около 404–339 гг. до нашей эры).

Сообщаемый Ла Боэси рассказ о Гиппократе лишний раз свидетельствует об основательном знании им источников. Упомянутая в тексте переписка по поводу приглашения Гиппократа и его отказ содержатся в заключительной части Сборника Гиппократа.

Приводим эти письма:

«Царь царей, великий Артаксеркс, Гистану, правителю Геллеспонта, привет.

Слава искусства Гиппократа, врача из Коса, потомка Асклепия, дошла и до меня. Итак, дай ему золота, сколько он захочет, и остальное в изобилии, в чем он нуждается, и пошли его к нам; он будет равен в чести с первыми персами...»

«Гистан, правитель Геллеспонта, Гиппократу, потому-
ку Асклепия, привет.

Великий царь Артаксеркс, нуждаясь в тебе, прислал к нам начальников, приказывая дать тебе серебра, золота и все остальное, в чем ты нуждаешься, в изобилии и столько, сколько ты хочешь, и послать тебя поспешно к нему; ты будешь в чести с первыми из персов. Явись поэтому как можно скорей. Будь здоров».

«Гиппократ, врач, Гистану, правителю Геллеспонта, привет.

На письмо, которое ты мне прислал, говоря, что оно пришло от царя, напиши царю то, что я говорю, как можно скорее: пищей, и одеждой, и жилищем, и всем тем, что необходимо для жизни, мы пользуемся; пользоваться же богатством персов для меня непозволительно, так же как избавлять от болезней варваров, которые являются врагами Греции. Будь здоров» (Гиппократ. Сочинение, т. III, М. — Л., 1941, стр. 312–313).

Как в древности, так и в XVI в. эти письма — как и ряд других писем и речей Гиппократа — считались подлинными и использовались в качестве бесспорных исторических источников. Апокрифический характер их раскрыт был в XIX в.

²⁶*Ксенофонт* (ок. 430–339 гг. до нашей эры). Древнегреческий историк и философ. Ла Боэси имеет в виду юношеское дидактическое произведение Ксенофонта «Гиерон, или портрет поведения тиранов» — диалог между поэтом Симонидом и сиракузским тираном Гиероном старшим (478–467 гг. до нашей эры) о преимуществах жизни частного лица по сравнению с полной постоянных тревог и опасностей жизнью тирана и о способах

сделать государство счастливым. Гиерон красноречиво излагает в этом диалоге, как мучительна жизнь тирана, он описывает терзающие его непрерывные страхи и опасения, свое одиночество и сознание, что он никем не любим. Даже если бы он отказался от власти, говорит Гиерон, то его жизнь всегда была бы в опасности от множества врагов, которых он себе создал. Симонид советует Гиерону изменить методы управления и попробовать править с помощью доблести и великодушия.

²⁷*великий африканец Сципион.* Публий Корнелий Сципион Старший (ск. 233–183 гг. до нашей эры), прославленный римский полководец, отвоевавший у карфагенян Испанию и перенесший затем войну в Африку. Это заставило Аннибала покинуть Италию и привело к поражению, нанесенному ему Сципионом.

²⁸*слова Теренция, вложенные им в уста Фрасона.* Имеется в виду комедия «Евнух», акт III, сцена 1 (Теренций. Комедии. М., 1934, стр. 264).

²⁹*что сделал Кир... захватив столицу Лидии Сарды.* Кир (умер в 328 г. до нашей эры) — основатель персидской монархии. Сын подвластного Лидии персидского князька, Кир в 559 г., опираясь на персов, подчинил себе Лидию. Позже, в 546 г., напал на царя Лидии Креза, прежде чем тот успел собрать войска, и вытеснил Креза из его столицы Сард. Вся эта история покорения Киrom Лидии и взятия им в плен Креза рассказывается у Геродота в кн. I, гл. 86. (см. Геродот. История в девяти книгах, т. I, М., 1888).

³⁰*модий.* Древнеримская мера сыпучих тел, равная 8,7 литра.

³¹*секстарий*, Древнеримская мера жидкостей, равная 0,5 литра.

³²*сестерций*. Древнеримская монета; ее стали чеканить с 269 г. до нашей эры. Стоила около 10 копеек золотом, но стоимость ее менялась. Сначала ее чеканили из серебра, позже — из меди.

³³*Тиберий*. Римский император, пасынок Августа, правивший с 14 по 37 г. нашей эры.

³⁴*Нерон*. Тиберий Клавдий Нерон — римский император, правнук Августа. См. также прим. 52.

³⁵*Корнелий Тацит* (ок. 55—120 гг. нашей эры). Один из лучших представителей римской историографии, которого Ф. Энгельс называет последним представителем староримского патрицианского образа мыслей (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XV, стр. 606). Отрицательное отношение к абсолютной монархии красной нитью проходит через все сочинения Тацита. Тацит испытал на себе тяжесть правления Домициана (см. прим. 57), и образ императора-тирана был им перенесен в прошлое. Это отразилось, в частности, на суждениях Тацита о Тиберии и Нероне, о которых говорится в тексте. Ла Бозси имеет в виду описание Тацита в его «Историях», повествовавших о событиях ранней Римской империи за период с 69 по 96 г., т. е. со времени смерти Нерона и до вступления на престол императора Нервы (см. К. Тацит. Сочинения, т. I. Истории, кн. I, гл. 4. СПб., 1886, стр. 70–71).

³⁶*воздвиг ему колонну как «Отцу народа»*. Ла Бозси имеет в виду рассказ римского историка Светония (см. Г. Светоний Транквилл. Жизнеописание двенадцати цезарей. Жизнь Цезаря. § 84–88. М., 1933, стр. 101).

³⁷*Пирр* (319–272 гг. до нашей эры). Эпирский царь, один из крупных полководцев древности. В 281 г. принял предложение жителей Тарента оказать им помощь в борьбе с Римом. Пирр мечтал о создании сильной державы в Италии но мечты эти потерпели крушение после того, как Пирр, ценою огромных потерь, одержал над римлянами победу в Аускуле, в Апулии («пиррова победа»). В дальнейшем Пирр был разбит римлянами. Он вынужден был оставить Италию и вернуться в Эпир, где вскоре погиб в борьбе с македонянами. Легенда о способности Пирра излечивать от болезней селезенки, о чем говорится в тексте, рассказана Плутархом в биографии Пирра (см. Плутарх. Жизнь знаменитых людей, ч. II. СПб., 1816, стр. 204).

³⁸*Веспасиан*. Тит Флавий Веспасиан — римский император, правивший с 69 по 79 г. Выходец из средних италийских слоев, Веспасиан обязан был избранием в императоры своим солдатам. Предоставив командование армией своему сыну Титу, победоносно завершившему Иудейскую войну, Веспасиан, будучи провозглашен императором, направился в Рим. Об этом и говорится в тексте. Рассказ же о чудесных исцелениях, произведенных Веспасианом, принадлежит Светонию. Светоний наряду с этим сообщает и об ироническом отношении Веспасиана к религиозному освящению императорской власти. «Увы, я, кажется, становлюсь богом», — сказал Веспасиан, почувствовав приближение смерти и имея в виду ожидавшее его обожествление (см. Г. Светоний Транквилл. Жизнеописание двенадцати цезарей. Жизнь Веспасиана, гл. VII, стр. 488).

³⁹*Если верить пророчице Вергилия Сивилле, спустившейся с Энеем в подземное царство*. Сивилла — про-

рочица, жрица Аполлона и Гекаты; по преданию, еще до установления республики в Риме появились так называемые Сивиллинские книги, составление которых приписывалось пророчице Сивилле Куманской. Эти книги содержали различные греческие оракулы, и к ним обращались в исключительно важных случаях.

Публий *Вергилий* Марон (70–19 гг. до нашей эры). Крупнейший римский поэт эпохи Августа, начавший свое поэтическое творчество еще в бурный период гражданских войн. Эти события — конец республики и начало империи, — сопровождавшиеся гражданской войной, проскрипциями, реквизициями земель и т. д., нашли отражение в том произведении Вергилия, которое стяжало ему славу в веках, в его «Энеиде» (особенно во 2-й песне). «Энеида», созданная по образцу величайших греческих эпических поэм «Илиады» и «Одиссеи», названа так по имени легендарного предка римского народа Энея, главного героя поэмы. Основной смысл этой героической поэмы — возвеличение римской державы и императора Августа, идеализированным прообразом которого является Эней.

С самого своего появления «Энеида» была признана произведением классическим: все эпические поэмы подражали ей как непререкаемому образцу. Особенно велика была ее популярность в средние века, когда Вергилий приобрел славу пророка и чародея. Данте избрал Вергилия своим проводником по Аду. Вергилий оказал могучее воздействие на французскую поэзию: «Энеида» была излюбленным произведением французского Возрождения и в качестве классической героической поэмы служила поэтам «Плеяды» с Ронсаром во главе (см. прим. 44) образцом для подражания.

В тексте имеется в виду 6-я песнь «Энеиды», изображающая подземное царство, где Эней удостоивается встречи со своим отцом Анхизом, пророчествующим о славном будущем могущественного римского государства, которое суждено основать потомкам Энея.

⁴⁰ *Салмоней*. В греческой мифологии Салмоней — сын Эола и родоначальник «эолийцев». Греческая легенда изображает его гордецом и богохульником, желавшим сравняться с Зевсом. Салмоней вздумал стать таким же громовержцем, как и Зевс. Он разъезжал в колеснице, подражая грому и молнии посредством звука металлических листов и метания зажженных факелов. В наказание за это высокомерие Зевс поразил его молнией и низверг в ад, тартар.

⁴¹ *Юпитер*. Верховное римское божество, отец богов. В римском пантеоне Юпитер соответствовал Зевсу.

⁴² *Зрела и те, что даны Салмоней, страшные казни*. См. Вергилий. Энеида, кн. VI, строки 585–594. М., 1933, стр. 173.

⁴³ *во Франции в этих же целях пользовались лягушками, орифламмой, цветами лилии, сосудом со священным елеем*. Все это — особые отличительные знаки, присвоенные французским королям. Изображение лилии — общеизвестный геральдический знак французских королей с XII в. В более ранние времена, при франкских королях, эмблемой были лягушки (иногда пчелы). Сосуд со священным елеем — *ampoule* — служил для хранения священного елея, предназначавшегося для помазания французских королей. Орифламма, или золотая хоругвь, — небольшое знамя французских королей, бывшее первоначально запрестольной хоругвью церкви Сен-Дени. Французский король Филипп I (XI в.) взял ее из Сен-Де-

ни. Фон этого знамени был красный, усеянный звездами, окружавшими пылающее солнце. Орифламма была главным воинским знаменем французских королевских войск.

Ее носил почетный знаменосец, и поднимали ее на копье только в момент боя; в другое время знаменосец имел орифламму на себе.

⁴⁴*нашим Ронсаром, нашим Баифом, нашим Дюбелле.* Три виднейших представителя французской поэтической школы XVI в. «Плеяды» (группы, состоявшей из семи поэтов и названной так по созвездию Плеяды). Говоря об успехах, которыми им обязан французский язык, Ла Бюэси имеет прежде всего в виду написанную Иоахимом Дюбелле совместно с Ронсаром в 1548 г. «Защиту и прославление французского языка», являющуюся литературным манифестом «Плеяды» в основу которого положено было возвеличение французского национального языка.

⁴⁵*прекрасных сказаний о короле Хлодвиге, которыми..., будет наслаждаться муза нашего Ронсара в его «Франсиаде».* Король Хлодвиг (465–511) — первый король франков, основатель династии Меровингов, имя которого в целях возвеличения королевской власти окружено было всякими легендами и преданиями. Во «Франсиаде» Ронсар (1524–1585) предпринял попытку создать французскую героическую эпопею, наподобие «Илиады» и «Энеиды» (см. прим. 39). Попытка эта оказалась неудачной; Ронсар готовил свою поэму свыше двадцати лет, и тем не менее «Франсиада», названная так по имени ее главного героя Франка, осталась неоконченной. В 1550 г. пролог ее читался перед французским королем Генрихом II (подобно тому как в свое время Вергилий читал части своей «Энеиды» перед Августом). Только в

1572 г., вскоре после Варфоломеевской ночи, была издана часть «Франсиады» — пролог и четыре песни из задуманных 24, но дальше этого дело так и не пошло. В поэме повествуется о том, как сыну Гектора Франку, чудом спасшемуся после гибели Трои, было открыто славное будущее Франции. Ему чудится, как перед ним проходит вереница ведущих от него свое происхождение французских королей, вплоть до Карла Великого. «Франсиада» имела целью воспеть высокое происхождение французского народа, освящая в глазах современников авторитетом классической древности патриотическое представление о достоинстве французской нации.

Отзывы Ла Бюсси о важнейших участниках «Плеяды» свидетельствуют о его близких отношениях с виднейшими поэтами, его современниками.

⁴⁶ *Щитами, упавшими с неба.* См. Вергилий. Энеида, песнь восьмая, строка 664. М., 1933, стр. 221.

⁴⁷ *афиняне использовали корзины Эрехтея.* Ла Бюсси имеет в виду древнее аттическое празднество в честь богини Афины-Паллады (городской, именем которой были названы Афины) и главного героя местной аттической мифологии Эрехтея, легендарного предка афинян. По Гомеру, Эрехтей — сын, рожденный Землей и воспитанный Афиной в ее храме (см. «Илиада», книга вторая, стихи 546–550); по позднему преданию, Эрехтей — афинский царь. Празднество это носило название панафиней и справлялось с большой пышностью. Существовали малые панафиней, праздновавшиеся ежегодно, и великие панафиней, справлявшиеся лишь раз в четыре года. В великие панафиней входили состязания певцов-рапсодов и поэтов, музыкальные и гимнастические состязания и ристания на колесницах. На панафиней стекались большие

массы народа со всех сторон Аттики и из других областей Греции. Главный обряд праздника — принесение богине нового покрывала, которое надевалось на статую Афины, — совершался в последний день празднества, когда устраивалась торжественная процессия к храму Афины. В этой процессии, в числе множества других участников, которые несли в руках оливковые ветви, были и девушки с корзинами на головах (канефоры — носительницы корзин»); этой чести удостаивались только девушки из знатнейших семейств.

⁴⁸*Минерва. У греков* — Афина. В Афинах на Акрополе богиня имела несколько в разное время построенных храмов. В тексте имеется в виду совместный храм Эрехтея и Афины, знаменитый Эрехтейон, возобновленный в эпоху Пелопоннесской войны, к которому приурочена была память о споре между Афиной и Посейдоном за обладание Аттикой. В нем хранилось легендарное, возвращенное Афиной, оливковое дерево — «всесогбенная маслина».

⁴⁹*Юпитер, который хвастал, что если он потянет за цепь.* См. Гомер. Илиада, песнь восьмая, стихи 20–27. М. — Л., 1949, стр. 164.

⁵⁰*Этим объясняется расширение сената при Юлии Цезаре.* Имеется в виду произведенная Цезарем реорганизация сената, число членов которого было сильно увеличено. Цезарь ввел в состав сената значительное число своих офицеров, ибо армия была его важнейшей опорой, и даже бывших вольноотпущенников. Было также увеличено число различных магистратов. Благодаря этому, большому количеству обязанных Цезарю лиц предоставлялась возможность делать служебную карьеру.

⁵¹ *килийские пираты... собирались в такие крупные отряды, что против них пришлось направить Помпея великого.* Имеется в виду борьба Помпея с пиратством, принявшим огромные размеры, на Средиземном море. Пираты составляли как бы особое государство; опорными пунктами их были приморские города Киликии и острова Кипра. Пираты наносили огромный ущерб римской торговле, они задерживали хлебные грузы, шедшие в Италию, и в Риме сильно поднялись цены на хлеб. Чтобы покончить с угрожавшим развитию торговли положением, сенат в 67 г. до нашей эры вручил Помпею диктаторскую власть на всем побережье Средиземного моря, на расстоянии 10 тыс. шагов от берега. Помпей получил деньги, большое войско и флот для ведения борьбы с пиратами и, проведя энергичную кампанию, справился с возложенным на него поручением. Он разорил укрепления пиратов, истребил их суда, отобрал у них оружие и жестоко расправился с самими пиратами (см. также Плутарх. Жизнь знаменитых людей. Помпей, стр. 166–167).

⁵² *Примером этого могут служить Сенека, Бурр, Тразеа.* Луций Анней Сенека (ок. 4 г. до нашей эры — 65 г. нашей эры) — римский философ — стоик.

В статье «Бруно Бауэр и раннее христианство» Энгельс дает Сенеке следующую характеристику: «Этот стоик, проповедывавший добродетель и воздержание, был первым интриганом при дворе Нерона, причем дело не обходилось без пресмыкательства; он добивался от Нерона подарков деньгами, именьями, садами, дворцами и, проповедуя бедность евангельского Лазаря, сам-то в действительности был богачом из той же притчи» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XV, стр. 607).

Еще в правление Тиберия (см. прим. 33) Сенека получил доступ ко дворцу и был назначен квестором. При императоре Клавдии (41–54) Сенека был отправлен на 8 лет в ссылку на остров Корсику, что приписывалось проискам первой жены Клавдия Мессалины. Благодаря заступничеству второй жены Клавдия Агриппины, пользовавшейся большим влиянием на государственные дела. Сенека был возвращен в Рим, и ему доверено было воспитание 11-летнего сына Агриппины Нерона.

В первые годы правления (54–68 гг.) Нерон находился под влиянием своих наставников — Сенеки и префекта претория Секста Афрания *Бурра*, имевших поддержку в сенате и являвшихся ближайшими советниками Нерона. Они всячески старались освободить императора из-под влияния его матери Агриппины и установить добрые отношения Нерона с сенатом. В дальнейшем Агриппина потеряла свое прежнее значение при дворе и в 59 г. была умерщвлена подосланными убийцами. Воспитатели Нерона Сенека и Бурр оправдали это убийство, а Сенека даже составил особую докладную записку, в которой перечислял преступления Агриппины по отношению к Нерону и приписывал ей замысел заговора на жизнь императора. По словам Тацита, сенат, в своем усердии выразить сочувствие Нерону, назначил благодарственное молебствие и принял решение поставить в курии, рядом со статуей Минервы, статую императора, а день рождения Агриппины считать в числе несчастных дней. Упомянутый в тексте *Тразеа* Пет, в отличие от Сенеки и Бурра, осудил убийство Агриппины и во время принятия этих решений покинул сенат, чем, как говорит Тацит, «создал причину своей гибели».

В 62 г. умер Бурр, который, как подозревали, был отравлен, а Сенеке пришлось отойти от двора и удалиться-

ся в частную жизнь. Недовольство сенаторского сословия преследованиями знати, в основе которых лежала не просто жестокость Нерона (как это объясняет Тацит), а борьба со знатью как главным препятствием на пути к укреплению императорской власти, нашло свое наиболее яркое выражение в организованном против Нерона заговоре Пизона (65 г.). В нем принимали участие виднейшие сенаторы. Когда заговор был раскрыт, то Сенеке и Тразею Пету поставили в вину причастность к нему. Заговорщики были преданы казни. Сенека по приказанию Нерона покончил с собой; приговоренный к смерти Тразеа Пет вскрыл себе вены.

При объяснении указанных событий Ла Боэси исходит только из личных качеств императора и не видит подлинной подоплеки всего процесса обострения отношений с сенаторской знатью императоров Юлиев-Клавдиев, заключавшейся в их неуклонном стремлении к укреплению шедшей к абсолютизму императорской власти. Ла Боэси опирается при таком освещении событий главным образом на Тацита, этого идеолога гибнущей римской аристократии, и следующего за ним в данном случае Светония (см. Тацит. Летописи, т. II, кн. XIV, гл. 12, 1887).

⁵³ *Поппея*. Имеется в виду вторая жена Нерона Поппея Сабина, (ум. в 65 г.), по преданию убитая им. Согласно Светонию, Нерон убил ее ударом ноги (см. Г. Светоний Транквилл. Жизнеописание двенадцати цезарей. М., 1933, стр. 401; Тацит. Летописи, кн. XVI, гл. 6).

⁵⁴ *Мать его Агриппина*. Имеется ввиду Агриппина младшая (около 15–60 гг. нашей эры), жена императора Клавдия и мать Нерона (см. прим. 52). Она обвинялась в отравлении своего мужа, императора Клавдия, и была

убита по приказанию своего сына Нерона. Ла Боэси опирается на сообщения Светония (Нерон, гл. 34) и Тацита (Летописи, кн. XII, гл. 67).

⁵⁵*Мессалина*. Третья жена императора Клавдия, известная своим распутством. С ее именем связан ряд скандальных придворных историй, последней из которых было ее решение отпраздновать в отсутствие Клавдия торжественное бракосочетание с одним молодым сенатором, метившим в императоры. Раскрытие этого скандала послужило причиной гибели Мессалины. По приказанию Клавдия, Мессалина и ее сообщники, обвиненные в попытке государственного переворота, покончили жизнь самоубийством. Источниками Ла Боэси и в данном случае являются Тацит и Светоний (см. Г. Светоний Транквилл. Жизнеописание двенадцати цезарей. Божественный Клавдий, гл. 26 и 29; Тацит. Летописи, кн. XI, гл. 37 и 38).

⁵⁶*замечательное изречение другого тирана*. Имеется в виду император Калигула, правивший с 37 по 41 г. и павший жертвой дворцового переворота (приводимое изречение см. г. Светоний Транквилл. Жизнеописание двенадцати цезарей. М., 1933, стр. 294).

⁵⁷*Домициан*. Тит Флавий Домициан — император из дома Флавиев, правивший с 81 г. Своей абсолютистской политикой и преследованиями senatorской аристократии вызвал сильнейшую оппозицию со стороны последней. Был убит в результате заговора, организованного сенатом (96 г.) (см. Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей. Домициан, гл. 17).

⁵⁸*Коммод*. Римский император, сын Марка Аврелия и последний представитель династии Антонинов, правление которого (с 180 по 192 г.) ознаменовано было усиле-

нием абсолютистских тенденций. Был убит в результате заговора, в котором приняла участие его наложница Марция.

⁵⁹*Антонин.* Имеется в виду Марк Аврелий Антонин, прозванный Каракал-лой, римский император, правивший с 211 по 217 г. Пал жертвой заговора, организованного префектом претория Марком Аврелием *Макрином*, которого солдаты провозгласили императором. Через год (218) Макрин был в свою очередь низложен и убит.

⁶⁰*как рассказывается в басне.* См. Езоповы басни. СПб., 1815. Басня 53. Больной лев и лисица, стр. 192–193; ср. также Гораций. Полное собр. соч. Послания. М.—Л., 1936, стр. 287.

⁶¹*Это напоминает безрассудного сатира.* Заимствовано из сочинения Плутарха «Как можно извлечь пользу из своих врагов», во французском переводе Амио (см. Plutarque. Comment on pourra recevoir utilité des ses ennemis. Traduit du grec par J. Amyot, стр. 2).

⁶²*мотылька, который... по словам тосканского поэта...* Имеется в виду сонет Петрарки (см. Petrarca. Canzoniere, sonetto XV).

⁶³*этих пожирателей народа.* «Царь пожиратель народа» — такова знаменитая квалификация царя у Гомера (см. Гомер. Илиада, пеонь первая, строка 231. М. — Л., 1935, стр. 119).